

СТАТЬИ

УДК 346.54, 346.15, 339.98

Цифровая экономика и антимонопольное право: единство и борьба противоположностей

А. Ю. Иванов

Для цитирования: *Иванов А. Ю.* Цифровая экономика и антимонопольное право: единство и борьба противоположностей // Правоведение. 2019. Т. 63, № 4. С. 486–521.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.401>

Цифровая экономика стала новой вехой в развитии человечества, но вместе с безусловными выгодами от цифровизации и глобализации мировой экономики она принесла и невиданный со времен технологической революции рубежа XIX–XX вв. рост концентрации рыночной власти в руках небольшой группы цифровых монополий и стремительный рост глобального неравенства, создающего системные перекосы в развитии общества. По мнению ряда экспертов, вероятным следствием таких дисбалансов развития может стать долгосрочная нестабильность, влекущая фундаментальные риски для существования капиталистической системы. Антимонопольное право уже сыграло позитивную роль в преодолении подобных вызовов развития капиталистической системы во время технологического перехода конца XIX — первой половины XX в., позволив США и ряду других стран Запада пройти прошлую масштабную промышленную революцию менее болезненно, чем те страны, включая Россию, которые пережили демонтаж капиталистической системы, не выдержав нагрузок ускоренного развития. В статье анализируются причины, не позволившие антимонопольному праву сыграть похожую балансирующую роль в ходе нынешней промышленной революции, а также предлагаются возможные меры по совершенствованию подходов к антимонопольному регулированию рынков цифровой экономики. В числе наиболее перспективных направлений по созданию действенных механизмов сдержек и противовесов для растущей рыночной власти глобальных цифровых платформ рассматриваются зарождающиеся форматы антимонопольной кооперации в рамках региональных объединений развивающихся стран, прежде всего на площадке БРИКС. Сотрудничество между странами БРИКС в антимонопольной сфере может стать серьезным фактором и для формирования международного режима защиты конкуренции на глобальных рынках, отсутствующего в настоящее время. Более того, с учетом особенностей позиционирования стран БРИКС в миросистеме такая кооперация позволяет создать режим регулирования конкуренции, который способствовал бы более широкому

Иванов Алексей Юрьевич — магистр частного права, LL.M, доц., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, Москва, ул. Мясницкая, 20; aivanov@hse.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

распространению знаний и передовых технологий и помог бы снять с глобальных потоков инноваций барьеры, установленные глобальными технологическими монополиями, что положительно скажется на снижении уровня глобального неравенства.

Ключевые слова: глобализация, цифровая экономика, усиление рыночной власти цифровых платформ и экосистем, социальное неравенство, защита конкуренции, сотрудничество стран БРИКС.

В мире нет таких явлений, которые бы находились вне процесса бесконечного развития, процесса возникновения внутри всякой целостности противоположных моментов, их превращения друг в друга, вне противоречивых отношений между ними.

*Большая советская энциклопедия*¹

Введение

2020-й год принес самые серьезные глобальные экономические потрясения после окончания Второй мировой войны, и эти потрясения уже погрузили мировую экономику в рецессию². Если перефразировать известную поговорку «Что русскому хорошо...», то можно сказать: что для мировой экономики оказалось сопоставимо с мировой войной, то для отдельных компаний стало фактором стремительного роста. Капитализация ведущих глобальных цифровых корпораций за этот год практически удвоилась. Apple нарастила за год пандемии капитализацию с 1,1 до 2,2 трлн долларов США, Amazon — с 0,9 до 1,6 трлн, Alphabet (материнская компания Google) — с 0,7 до 1,2 трлн и Facebook — с 0,4 до 0,8 трлн долларов США соответственно. Подросли и другие компании цифрового сектора, включая двух китайских цифровых лидеров — Tencent и Alibaba, котирующихся на конец года в районе 700 млрд долларов США каждая. Для сравнения: номинальный ВВП России в долларах США составлял в 2019 г. 1,7 трлн и за 2020 г. снизился примерно на 4%³.

Рост финансового могущества глобальных цифровых платформ ускорился на фоне пандемии, однако был обусловлен более системными изменениями в мировой экономике в последние несколько лет. В докладе Всемирного экономического форума о роли цифровых платформ в развитии мировой экономики, вышедшем в начале 2019 г., уже отмечалось, что «за несколько лет рейтинг наиболее дорогих компаний по рыночной капитализации полностью изменился — в нем стали доминировать компании, работающие по одной бизнес-модели — цифровые платформы и экосистемы»⁴. Траектория такого непропорционального роста цифровых платформ начала вырисовываться в середине 2010-х годов. По данным специального доклада, подготовленного в 2016 г. журналом *The Economist*, мировая

¹ Прохоров А. М. Единство и борьба противоположностей // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/036/847.htm> (дата обращения: 24.06.2021).

² См. подробнее: COVID-19 to Plunge Global Economy into Worst Recession since World War II // The World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/06/08/covid-19-to-plunge-global-economy-into-worst-recession-since-world-war-ii> (дата обращения: 16.02.2021).

³ См. подробнее: МВФ улучшил прогноз динамики ВВП России в 2020 г. // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4530141> (дата обращения: 16.02.2021).

⁴ Platforms and Ecosystems: Enabling the Digital Economy // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/whitepapers/platforms-and-ecosystems-enabling-the-digital-economy> (дата обращения: 16.02.2021).

экономика уже достигла наивысшей степени концентрации капитала со времен Великой депрессии 1930-х годов; «возникновение супергигантов наиболее заметно в экономике знания, [где] небольшая группа монополистов имеет рыночную власть и получает доходы, невиданные со времен баронов-разбойников XIX в.»⁵. Совокупная рыночная капитализация ведущих компаний, владеющих цифровыми платформами, всего за два года — с 2015 по 2017 г. — выросла на 70 %⁶. По оценкам консалтинговой компании McKinsey, сделанным в 2017 г., к 2025 г. более 30 % всей мировой экономической активности, что составит примерно 60 трлн долларов США, будет погружено в сети глобальных цифровых платформ⁷. Судя по темпам прироста рыночной власти цифровых платформ в 2020 г., этот прогноз уже можно считать весьма консервативным.

Стремительный экономический рост цифровых платформ можно было бы связать с новым технологическим укладом, который, как и технологические революции прошлого, привел к значительному росту производительности труда и к увеличению общего благосостояния на планете в целом. Однако эмпирические данные показывают иную картину. За последние пару десятилетий процесс цифровизации экономики не повлек за собой роста производительности, а напротив, даже замедлил его⁸. По данным ЮНКТАД, глобальная занятость в секторе информационно-коммуникационных технологий увеличилась с 34 млн чел. в 2010 г. всего до 39 млн чел. в 2015 г., т. е. доля занятых в этом секторе выросла за тот же период с 1,8 % лишь до 2 % мировых трудовых ресурсов⁹. Такой контраст между низким ростом глобальной производительности и занятости, вызванных цифровизацией экономики, и взлетом рыночной капитализации глобальных цифровых платформ и контролируемой ими экономической ценности, скорее всего указывает на то, что этот рост происходит в основном не за счет создания новой ценности, а за счет перераспределения экономических ресурсов в пользу таких цифровых платформ от прочих экономических субъектов. Возможно, за последние пару десятилетий произошло одно из крупнейших в истории человечества глобальных перераспределений экономических благ — от отраслей индустриальной экономики в пользу небольшой группы глобальных цифровых платформ. Такое масштабное экономическое перераспределение, если оно не было специально задумано и реализовано, должно вызывать вопросы с точки зрения сбалансированности правового регулирования цифровой экономики и надлежащей работы механизмов рыночной конкуренции. Причем речь идет именно о глобальном измерении этих процессов, но требующих реакции и на международном, и на национальном уровнях.

Проблема чрезмерных дисбалансов в экономическом развитии, вызванных цифровизацией, имеет настолько значительные последствия, что, по словам Марианны Маццукато, можно говорить о переходе к новой модели рыночной

---

⁵ The rise of the superstars // The Economist. URL: <http://www.economist.com/news/special-report/21707048-small-group-giant-companiessome-old-some-neware-once-again-dominating-global> (дата обращения: 16.02.2021).

⁶ Digital Economy Report — Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries // UNCTAD. 2019. P. 83.

⁷ См. подробнее: Competing in a world of sectors without borders // McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-analytics/our-insights/competing-in-a-world-of-sectors-without-borders> (дата обращения: 16.02.2021).

⁸ См. подробнее: *Crafts N.* The Productivity Slowdown: Is it the “New Normal”? // Oxford Review of Economic Policy. 2018. Vol. 34, iss. 3. P. 443–460; *Gordon R.* The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living Since the Civil War. Princeton: Princeton University Press, 2016.

⁹ Digital Economy Report — Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries. UNCTAD, 2019. P. 58.

экономики — «хищническому» капитализму¹⁰, или к капитализму «тотального надзора», как его называет Шошанна Зубофф¹¹. Эта озабоченность находит поддержку с разных сторон политического спектра — от журнала *The Economist*, который выступает за резкую смену подходов к антимонопольному регулированию цифровой экономики¹², до руководства Коммунистической партии Китая в лице генерального секретаря Си Цзиньпина, призвавшего в конце 2020 г. «усилить борьбу с монополистическими действиями и не допускать бесконтрольного расширения капитала»¹³, что сильно отличается от еще недавней позиции китайского правительства, длительное время всемерно содействовавшего расширению экономической силы цифровых платформ в стране¹⁴.

Тема монополизации экономической жизни в условиях цифровой экономики оказалась в фокусе внимания и президента России — в своем недавнем выступлении на Всемирном экономическом форуме в январе 2021 г. Владимир Путин отметил, что «все более значимую роль в жизни общества стали играть современные технологические и прежде всего цифровые гиганты, [и хотя] с точки зрения самих компаний их монопольное положение оптимально для организации технологических и бизнес-процессов... у общества возникает вопрос: насколько такой монополизм соответствует именно общественным интересам?»¹⁵.

2020-й стал рубежным годом для антимонопольной политики в ключевых мировых юрисдикциях. В США впервые после дела *Microsoft*, завершившегося в 2002 г., были возбуждены антимонопольные дела против ключевых цифровых гигантов: *Google*¹⁶ и *Facebook*¹⁷. В Конгрессе США в ноябре 2020 г. опубликован масштабный доклад, в котором говорилось о необходимости активизировать антимонопольное регулирование, делались наиболее резкие за последние десятилетия выводы и выдвигались предложения по реформированию законодательства¹⁸. В Китае под конец 2020 г. впервые в истории антимонопольного права этой страны начались расследования против *Alibaba* и ряда других цифровых платформ¹⁹. В Европейском союзе в это же время вышла серия законодательных инициатив,

---

¹⁰ *Mazzucato M.* *The Value of Everything. Making and Taking in the Global Economy.* Westminster: Penguin Books, 2019.

¹¹ *Zuboff S.* *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power.* New York: Public Affairs, 2019.

¹² См. подробнее: *The world's most valuable resource is no longer oil, but data* // *The Economist*. URL: <https://www.economist.com/leaders/2017/05/06/the-worlds-most-valuable-resource-is-no-longer-oil-but-data> (дата обращения: 16.02.2021).

¹³ 中共中央政治局召开会议 习近平主持 («Политбюро ЦК КПК провело заседание под председательством Си Цзиньпина») // *Xinhua News Agency*. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-12/11/c_1126850644.htm (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁴ См. подробнее: *Worried About Big Tech? Chinese Giants Make America's Look Tame* // *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/31/technology/china-tencent-alibaba.html> (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁵ Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁶ *U.S. Accuses Google of Illegally Protecting Monopoly* // *The New York Times*. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/20/technology/google-antitrust.html> (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁷ *U.S. and States Say Facebook Illegally Crushed Competition* // *The New York Times*. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/09/technology/facebook-antitrust-monopoly.html> (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁸ *Nadler G., Cicilline D.* *Investigation of Competition in Digital Markets* // *Antitrust, Commercial and Administrative Law*. 2020. URL: https://judiciary.house.gov/uploadedfiles/competition_in_digital_markets.pdf?utm_campaign=4493-519 (дата обращения: 24.02.2021).

¹⁹ *China's e-commerce titan Alibaba hit with antitrust probe* // *Techcrunch*. 2020. URL: <https://techcrunch.com/2020/12/23/alibaba-antitrust-probe> (дата обращения: 16.02.2021).

призванных существенно обновить европейское антимонопольное законодательство для учета особенностей цифровой экономики²⁰. Все это можно назвать системным изменением в антимонопольном регулировании мировой цифровой экономики, которое было в значительной степени спрогнозировано нами в докладе Антимонопольного центра БРИКС, представленном на Международной конференции по конкурентному праву и политике стран БРИКС в 2019 г. в Москве²¹.

Колоссальный рост рыночной власти глобальных цифровых платформ не мог не сказаться на их влиянии на другие сферы общественной жизни. Такие вопросы, как обеспечение свободы слова, неприкосновенности частной жизни и ограничения распространения противоправной информации, также приобрели новое значение в контексте стремительного роста рыночной власти глобальных цифровых платформ. В США и странах Европы громко звучат опасения, что набравшие власть цифровые платформы оказывают разрушительное влияние на конституционное устройство современных демократических обществ²². С началом 2021 г. эта дискуссия обострилась на фоне решений ключевых цифровых платформ о блокировке аккаунтов действующего президента США²³ и исключения глобальными платформами из своих экосистем альтернативных медийных площадок, преимущественно представляющих взгляды его сторонников²⁴. Бывший президент и председатель Правительства России Дмитрий Медведев даже увидел в этих явлениях «призрак цифрового тоталитаризма, который постепенно заполняет собой общество»²⁵. Проблемы рыночной конкуренции и избыточной концентрации экономической власти повлекли за собой вопросы социальной стабильности и правовой определенности.

В настоящей статье мы пытаемся разобраться, как получилось, что ключевые юрисдикции и международно-правовые институты позволили возникнуть таким системным дисбалансам в мировой экономике и пропустили стремительный рост рыночной власти цифровых гигантов, угрожающий устойчивости мировой экономики и общественному благосостоянию. Также мы анализируем возможные подходы к решению задачи ребалансировки цифровой экономики инструментами антимонопольного регулирования, причем и на национальном, и на международном уровнях, в том числе в контексте сотрудничества стран БРИКС в этой сфере.

---

²⁰ См., напр.: Digital Markets Act: Ensuring fair and open digital markets // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_2349 (дата обращения: 24.02.2021).

²¹ Digital Era Competition: A BRICS View // BRICS Competition Law and Policy Centre. 2019. URL: <http://bricscompetition.org/upload/iblock/6a1/brics%20book%20full.pdf> (дата обращения: 16.02.2021).

²² См. подробнее: *Fukuyama F., Richman B., Goel A.* How to Save Democracy From Technology. Ending Big Tech's Information Monopoly // Foreign Affairs. 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (дата обращения: 16.02.2021).

²³ См. подробнее: Which online platforms banned Trump over Capitol riot? // Al Jazeera Media. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/14/which-online-platforms-banned-trump-over-capitol-riot> (дата обращения: 16.02.2021); All the actions big tech companies have taken against Trump's social media accounts following the US Capitol siege // Insider. URL: https://www.businessinsider.com/how-big-tech-companies-are-handling-trump-after-riots-2021-1?utm_source=markets&utm_medium=ingest (дата обращения: 16.02.2021); In pulling Trump's megaphone, Twitter shows where power now lies // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/09/technology/trump-twitter-ban.html> (дата обращения: 16.02.2021).

²⁴ См. подробнее: Google suspends "free speech" app Parler // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-55598887> (дата обращения: 16.02.2021).

²⁵ См. подробнее: Дмитрий Медведев: Америка 2.0. После выборов // ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/10470467> (дата обращения: 16.02.2021).

1. Идеология цифровой экономики

За последние несколько лет именно цифровые технологии стали определять лицо экономической жизни в мире. Данное явление приобрело такое значение, что позволило исследователям, а вслед за ними политикам и государственному аппарату охарактеризовать новую экономику как цифровую, отличающуюся от экономики индустриальной так, как последняя отличалась от аграрной. Цифровая экономика рассматривается сегодня в качестве новой формы экономической и социальной жизни во всех ее проявлениях, а не только в области собственно цифровых продуктов и сервисов. В первом комплексном докладе ООН по цифровой экономике, вышедшем в 2019 г., ЮНКТАД отмечает: «Цифровая экономика становится все более неотделима от функционирования всей экономики в целом»²⁶.

Такое представление о цифровой экономике как, по сути, новом технологическом и экономическом укладе, а не одной из сфер экономической жизни вошло в политический и деловой обиход не очень давно. В том же докладе ЮНКТАД отмечается, что до последнего времени под цифровой экономикой понимался скорее набор экономических отраслей, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий, прежде всего собственно телекоммуникации и разного рода интернет-сервисы. Этот подход очень долго формировал и государственную политику применительно к цифровой сфере. Область информационно-коммуникационных технологий воспринималась регуляторами как новое явление, которое не вписывается в стандарты регулирования индустриальной эпохи и при этом нуждается в поддержке и всемерной заботе. Романтика ранней интернет-эпохи, воспевавшей свободу киберпространства²⁷ и его инаковость, принципиальное отличие от индустриального общества многие годы формировали стилистику отношения к цифровым технологиям и со стороны правительств в ключевых юрисдикциях.

В 1997 г. администрация президента США Билла Клинтона выпустила стратегический документ «Режим глобальной электронной торговли»²⁸, где изложила принципы и подходы регулирования сети Интернет и экономической деятельности на его основе, которые планировала применять сама и активно навязывать правительствам других стран. Согласно преамбуле, основной мотивацией принятия документа было желание администрации США пресечь в зародыше возможную регуляторную самостоятельность правительств других стран, способных повредить широкому глобальному развертыванию сети Интернет и электронной торговли. Администрация США сформулировала пять принципов регулирования глобальной электронной торговли: 1) частный бизнес должен играть главную роль в развитии Интернета, несмотря на инвестиции государств в инфраструктуру и инновации; 2) правительства государств должны максимально воздерживаться от регулирования новых отношений в сфере электронной коммерции и работы сети Интернет в целом; 3) в случаях крайней необходимости правительства могут принимать новые нормы в отношении цифровой сферы, но должны это делать предельно аккуратно и с минимальным влиянием на свободу Интернета; 4) правительства должны признать уникальную природу Интернета и не применять к его регулированию нормы и правила, сложившиеся в предшествующую эпоху, а новые правила

²⁶ The Digital Economy Report 2019 // UNCTAD. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf. P. 4 (дата обращения: 16.02.2021).

²⁷ См. подробнее: A Declaration of the Independence of Cyberspace // The Electronic Frontier Foundation. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (дата обращения: 16.02.2021).

²⁸ A Framework For Global Electronic Commerce // The White House. URL: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/Commerce/read.html> (дата обращения: 16.02.2021).

принимать только тогда, когда их принятие отвечает широкому консенсусу пользователей Интернета; 5) электронная коммерция в Интернете должна работать как единый глобальный рынок на базе унифицированного правового режима без национальных и региональных границ.

В 2013 г. глава компании Google Эрик Шмидт и его коллега Джаред Коэн выпустили книгу с претенциозным названием «Новый цифровой мир: Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств»²⁹, в которой назвали Интернет «самым большим в мире пространством без регулирования»³⁰. Судя по всему, принятая Биллом Клинтоном в 1997 г. стратегия сработала и продержалась как минимум до 2013 г.

Это отношение к Интернету и новым формам цифровой экономической жизни как уникальным явлениям, которые нужно максимально оградить от влияния норм и правил индустриальной эпохи, совпадало в тот период с весьма активными действиями государств по продвижению цифровизации. Симптоматично, что по итогам министерского саммита стран Организации экономического сотрудничества и развития в 2003 г. эта организация призывала правительства стран мира «сделать все возможное для ускорения распространения информационно-коммуникационных технологий в своих экономиках»³¹. Рекомендовалось, например, принимать такие регуляторные меры, чтобы у компаний и потребителей были стимулы переходить на широкое использование информационно-коммуникационных решений в разных отраслях экономики. Ускорение информатизации рассматривалось на том этапе как самостоятельная ценность, заслуживающая продвижения в экономической жизни всеми возможными средствами.

Подобный подход, основанный на презумпции полезности цифровых технологий, с одной стороны, привел к активным государственным вложениям в развитие цифровой инфраструктуры, особенно на начальном этапе развития Интернета³², а с другой — сформировал целую серию правовых презумпций и моделей регулирования, которые в конце 1990-х и начале 2000-х годов создали максимально комфортные условия для развития цифровых технологий во всех возможных сферах.

Так, в 1996 г. в США законодательство, регулирующее телекоммуникации, было дополнено положением об ограничении ответственности цифровых платформ за пользовательский контент. Раздел 230 Закона о коммуникационном приличии (The Communications Decency Act) установил, в частности, что цифровые платформы не должны рассматриваться как издатели или авторы соответствующих высказываний, опубликованных на данных платформах другими пользователями³³. Это положение телекоммуникационного законодательства США, по словам ряда экспертов, дало возможность выстроить в отношении нарождающихся цифровых платформ уникальный защитный барьер, позволяющий изъять их из общего для

---

²⁹ *Schmidt E., Cohen J. The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business.* New York: Knopf, 2013.

³⁰ Цит. по: How connecting 7 billion to the web will transform the world // Public Broadcasting Service. URL: <https://www.pbs.org/newshour/science/in-new-digital-age-google-leaders-see-more-possibilities-to-connect-the-worlds-7-billion> (дата обращения: 24.02.2021).

³¹ Meeting of the OECD Council at Ministerial Level // OECD, 2003. URL: <http://www.oecd.org/digital/ieconomy/2507572.pdf> (дата обращения: 16.02.2021).

³² См. подробнее: A Brief History of NSF and the Internet // National Science Foundation. 2003. URL: https://www.nsf.gov/news/news_summ.jsp?cntn_id=103050 (дата обращения: 16.02.2021); 40 maps that explain the internet // Vox. URL: <https://www.vox.com/a/internet-maps> (дата обращения: 16.02.2021).

³³ Section 230 of the Communications Decency Act // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230> (дата обращения: 16.02.2021).

всех других медиа обязательства следить за распространяемой информацией, но одновременно предоставило цифровым платформам широкое усмотрение относительно модерации размещаемого контента³⁴. В 1998 г. к общему положению о принципиальном снижении ответственности цифровых платформ за действия своих пользователей и размещаемую на платформах информацию добавилась еще одна важная привилегия цифровых компаний в США — Закон об авторском праве в цифровую эпоху (The Digital Millennium Copyright Act) сформировал для цифровых платформ целую серию так называемых безопасных гаваней в части использования охраняемых объектов интеллектуальной собственности, что позволило исключить ответственность цифровых платформ за размещение пользовательского контента, нарушающего чьи-либо интеллектуальные права³⁵. Это сильно выделяло цифровые сервисы в сети Интернет среди других форм распространения информации и работы с контентом.

В похожей логике в то время развивалось и законодательство Европейского союза. В принятой в 2000 г. Европейским парламентом Директиве по электронной торговле (The E-commerce Directive) также была закреплена логика «безопасных гаваней» для цифровых платформ в части размещения и распространения противозаконного пользовательского контента³⁶.

Большую роль в росте рыночной власти цифровых платформ играют данные, собираемые с пользователей. Эти данные являются ключевым инструментом коммерциализации пользовательского внимания через различные формы их продажи для усиления рекламных кампаний, а также средством укрепления экономического положения цифровых платформ за счет лучшего понимания и контроля потребительского поведения³⁷. Свободное использование данных стало одним из ключевых преимуществ цифровых платформ, по сравнению с их индустриальными конкурентами. Как и в случае цифрового оборота интеллектуальной собственности и ответственности за публикацию противозаконной информации, оборот персональных данных в цифровой среде до последнего времени строился на принципах фактического невмешательства государств в работу цифровых игроков. Несмотря на бурные обсуждения³⁸, в США до сих пор нет федерального закона, обеспечи-

---

³⁴ Section 230 of the Communications Decency Act // The Electronic Frontier Foundation. URL: <https://www.eff.org/issues/cda230> (дата обращения: 16.02.2021). — См. подробнее об этом: *Kosseff J. The Twenty-Six Words That Created the Internet*. New York: Cornell University Press, 2019. URL: <https://www.cornellpress.cornell.edu/book/9781501714412/the-twenty-six-words-that-created-the-internet> (дата обращения: 16.02.2021).

³⁵ См. подробнее: *Digital Millennium Copyright Act (DMCA) Safe Harbor Provisions for Online Service Providers: A Legal Overview* // Congressional Research Service. 2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11478> (дата обращения: 16.02.2021). — См. также: *Friedman J. A., Buono M. Using the Digital Millennium Copyright Act to Limit Potential Copyright Liability Online* // *Richmond Journal of Law & Technology*. 2000. Vol. 6, iss. 4. P. 7–25.

³⁶ Reform of the EU liability regime for online intermediaries: Background on the forthcoming digital services act // European Union. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/649404/EPRS_IDA\(2020\)649404_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/649404/EPRS_IDA(2020)649404_EN.pdf) (дата обращения: 16.02.2021).

³⁷ См. подробнее: *Laidler J. High tech is watching you* // *The Harvard Gazette*. March 4, 2019. URL: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2019/03/harvard-professor-says-surveillance-capitalism-is-undermining-democracy> (дата обращения: 16.02.2021).

³⁸ См., напр.: *Hearings on Competition and Consumer Protection in the 21st Century* // FTC. 2019. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/events-calendar/ftc-hearing-competition-consumer-protection-21st-century-february-2019> (дата обращения: 16.02.2021); *Policy Principles for a Federal Data Privacy Framework in the United States: Hearing before the Subcommittee on Commerce, Science, and Transport* // 116th Cong. 2019. URL: <https://www.commerce.senate.gov/services/files/1DEC81B-5947-4FEB-B3E1-E9DF65866321> (дата обращения: 16.02.2021); *Protecting Consumer Privacy in the Era of Big Data: Hearing Before the Subcommittee on Consumer Protection and Commerce of the Commit-*

вающего адекватный новым реалиям уровень защиты персональных данных. Хотя Федеральная торговая комиссия США еще в 1997 г. проводила слушания по этому вопросу, на которых практически консенсусным стало мнение, что новая компьютерная индустрия может создать системные риски для частной жизни миллионов людей³⁹, резистентность новой цифровой реальности оказалась столь высока, что первые законы штатов о защите персональных данных, адаптированные к новым цифровым реалиям, появились только в 2018 г.⁴⁰ и лишь после того, как был принят новый европейский регламент оборота персональных данных в цифровой среде. Эта резистентность новой цифровой индустрии к возможному регуляторному воздействию немало удивляла исследователей. По меткому замечанию Франка Паскаля в его ставшей почти классической книге «Общество черного ящика», «право, столь агрессивно защищающее коммерческую тайну, все больше молчит, когда речь идет о частной жизни людей»⁴¹.

Глобальный ландшафт регулирования вопросов оборота персональных данных, хоть медленно, но поменялся за последние два-три года. В 2018 г. вступил в силу общий регламент о защите персональных данных Европейского союза (General Data Protection Regulation, GDPR)⁴², который задал новую мировую тенденцию в вопросах оборота персональных данных. В 2018 г. Китай также принял новый стандарт по защите персональных данных⁴³, имеющий много общего с GDPR, а Индия опубликовала проект Закона о защите персональных данных, который, по словам разработчиков, опирался на положения европейского регламента⁴⁴. В сентябре 2020 г. вступил в силу общий Закон Бразилии о защите данных, также

---

tee on Energy and Commerce // 116th Cong. 2019. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-116hhrg36508/pdf/CHRG-116hhrg36508.pdf> (дата обращения: 16.02.2021); Consumer Data Privacy: Examining Lessons from the European Union's Data Protection Regulation and the California Consumer Privacy Act: Hearing Before the Subcommittee on Commerce, Science, and Transport // 115th Cong. 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-115shrg37801/html/CHRG-115shrg37801.htm> (дата обращения: 16.02.2021); Examining Safeguards for Consumer Data Privacy: Hearing Before the Subcommittee on Commerce, Science, and Transport // 115th Cong. 2018. URL: <https://www.commerce.senate.gov/2018/9/examining-safeguards-for-consumer-data-privacy> (дата обращения: 16.02.2021); Examining the Current Data Security and Breach Regulatory Notification Regime: Hearing Before the Subcommittee on Financial Institutions and Consumer Credit // 115th Cong. 2018. URL: <https://www.bsa.org/files/policy-filings/02142018BSATestimonyDataSecurityBreaches.pdf> (дата обращения: 16.02.2021).

³⁹ См. подробнее: F. T. C. Opens Hearings on Computers' Threat to Privacy and Liberty // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/1997/06/11/us/ftc-opens-hearings-on-computers-threat-to-privacy-and-liberty.html?searchResultPosition=34> (дата обращения: 16.02.2021).

⁴⁰ См. вступивший в силу с 01.01.2020 закон штата Калифорния: California Consumer Privacy Act of 2018 // California Legislative Information. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201920200AB25 (дата обращения: 16.02.2021). — См. закон штата Вермонт: An act relating to data brokers and consumer protection H. 764 (Act 171) Governor allowed to become law without signature on May 22 // Vermont legislature. 2018. URL: <https://legislature.vermont.gov/bill/status/2018/H.764> (дата обращения: 16.02.2021); см. также: Chicago Personal Data Collection and Protection Ordinance // Office of the City Clerk. 2018. URL: https://www.huntonprivacyblog.com/wp-content/uploads/sites/28/2018/06/Chicago-Ordinance_April-2018.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

⁴¹ *Pasquale F.* The black box society: the secret algorithms that control money and information. Harvard: Harvard University Press, 2015. P. 3.

⁴² Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 16.02.2021).

⁴³ Personal Information Security Specification, GB/T 35273-2017. Came into force on 1 May 2018. URL: <https://www.codeofchina.com/standard/GBT35273-2017.html> (дата обращения: 16.02.2021).

⁴⁴ Personal Data Protection Bill. 2018. URL: https://www.meity.gov.in/writereaddata/files/Personal_Data_Protection_Bill,2018.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

принятый в логике GDPR⁴⁵. Фактически только сейчас мир начинает адаптировать механизмы регулирования оборота персональных данных к новым реалиям цифровой экономики, когда многие ключевые решения относительно архитектуры цифровых рынков уже фактически реализованы.

2. Монополизация by design⁴⁶

Еще одним фактором, оказавшим существенное влияние на рост цифровых платформ, стало резкое ослабление антимонопольного регулирования, начавшееся в 1980-е годы. Привилегированный правовой режим, спроектированный для цифровых бизнесов в других сферах, сказался и на антимонопольном праве, что, в свою очередь, создало цифровым гигантам уникальную регуляторную среду для комфортного накопления и удержания рыночной власти.

Одним из наиболее ярких представителей новых капиталистов, сделавших состояние и имя на цифровой экономике, является Питер Тиль. Он известен как основатель PayPal и Palantir Technologies, как первый венчурный инвестор в Facebook и как активный участник политических дискуссий в руководстве США, влияющий на государственные решения в области инновационной политики. В 2014 г. Тиль опубликовал в *The Wall Street Journal* программную статью «Конкуренция — удел неудачников»⁴⁷, где утверждает, что американский законодатель неправильно понимает роль монополии в условиях цифровой экономики. По его мнению, американцы мифологизируют конкуренцию, считая, что именно здоровая конкуренция — залог успешной капиталистической экономики. Эта логика, как ему кажется, хороша для экономики прошлого, когда не была столь высока роль прорывных инноваций. Теперь же монополия — это «не патология и не исключение из правил, а... необходимое условие существования успешного бизнеса». Тиль также ссылается на успехи таких ярких монополий нынешней волны промышленной революции, начавшейся в 1970-х годах (ее принято называть цифровой), как AT&T, IBM, Microsoft и Google. В его понимании каждая из этих компаний имела определенную монополию на соответствующем этапе развития цифровой экономики: IBM доминировала на рынках цифровой экономики в 1970-е и 1980-е годы со своими микропроцессорами, но в 1990-е годы эта монополия сменилась монополией Microsoft в сфере программного обеспечения, а рынок микропроцессоров стал более конкурентным; аналогично AT&T оставалась безусловной монополией на телекоммуникационном рынке до начала 1990-х годов, когда была сметена развитием мобильной связи, и т. д. Для объяснения этого явления Тиль использует аргументы известного австро-американского либерального экономиста Джозефа Шумпетера⁴⁸. По мысли Шумпетера (Тиль, в свою очередь, повторяет его тезис об экономических циклах «разрушающего созидания» (*creative destruction*)), «если монополичный бизнес направлен на то, чтобы сдерживать прогресс, то он, безусловно, опасен и должен быть ограничен; однако история прогресса — это история о том, как одна монополия заменяет другую... Монополии двигают прогресс именно из-за ожидания монопольных доходов, которые заставляют вклады-

---

⁴⁵ Brazilian Data Protection Law (LGPD). Law No. 13.709 of 14 August 2018 as amended by Law No. 13,853/2019. URL: <https://www.lgpdbrasil.com.br/wp-content/uploads/2019/06/LGPD-english-version.pdf> (дата обращения: 16.02.2021).

⁴⁶ По замыслу, как было задумано (англ.).

⁴⁷ См. подробнее: *Thiel P. Competition Is for Losers // The Wall Street Journal. 2014. URL: https://www.wsj.com/articles/peter-thiel-competition-is-for-losers-1410535536* (дата обращения: 16.02.2021).

⁴⁸ *Schumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. New York: Harper & Row, 1942.*

ваться в инновации. Также монополии могут продолжать заниматься инновациями именно из-за наличия монопольных доходов, позволяющих планировать вдолгую и финансировать амбиционные исследовательские проекты, о которых компании, завязавшие в конкуренции, не могут и подумать»⁴⁹.

Тезис об уникальной природе новой экономики, в которой процесс «разрушающего созидания» и «невидимая рука рынка» сами расставят все на свои места, был не только поднят на флаг капитанами цифровой экономики, но и стал на какое-то время определяющим в американской, а затем и во многих других антимонопольных юрисдикциях. Например, один из наиболее авторитетных американских юристов и отцов-основателей так называемой школы экономического анализа в праве, судья апелляционного суда Ричард Познер опубликовал в 2000 г. программную статью «Антимонопольное регулирование в новой экономике», в которой сформулирован вдохновивший позднее Питера Тилля тезис: «Ветер разрушающего созидания, описанного Шумпетером, при котором последовательность временных монополий работает на максимизацию инноваций, приносящих общественную пользу, значительно превышающую издержки для общества, вызванные кратковременно возникающими в этом процессе монопольно высокими ценами, может стать реальностью новой экономики»⁵⁰.

Ричард Познер и его коллега — ученый-юрист и судья Роберт Борк⁵¹ внесли в 1970–1980-е годы огромный вклад в то, что позднее назвали антимонопольной революцией в США⁵². Суть их предложений, активно поддержанных администрацией президента Рональда Рейгана и ставших новым неолиберальным мейнстримом в американском и шире — западном — антимонопольном праве, состояла в том, чтобы заставить антимонопольное правоприменение ориентироваться на один показатель — увеличение благосостояния потребителей, измеряемое преимущественно через цену товаров. Этот подход привел к существенной формализации антимонопольного регулирования. Если упростить, то идеология новой школы (которую принято называть чикагской по причине аффилиации Ричарда Познера и ряда его коллег и последователей с Чикагским университетом) предполагала следующее: во всех случаях, в которых антимонопольный орган или истец по антимонопольному делу в суде не могут доказать, что действия хозяйствующих субъектов непосредственно ведут к подорожанию товаров для конечных потребителей, никаких антимонопольных мер в отношении таких хозяйствующих субъектов предпринимать нельзя. Эта идеология получила название примата благосостояния потребителей (*consumer welfare primacy*). В ее основу лег тезис о том, что к антимонопольному регулированию необходимо прибегать только тогда, когда монополизация прямо сказывается на благосостоянии потребителей, а во всех случаях косвенного влияния через структурные изменения экономики или замедление инновационного развития и другие подобные негативные явления антимонопольного регулирования не должно вмешиваться в работу рынков.

Подход чикагской школы лег на неолиберальную идеологию эпохи правления Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, набиравшую силу в тот период в ключевых

⁴⁹ *Thiel P. Competition Is for Losers.*

⁵⁰ См. подробнее: *Posner R. A. Antitrust in the New Economy // John M. Olin Program in Law and Economics. Working Paper No. 106. 2000. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics/58 (дата обращения: 16.02.2021).*

⁵¹ Ключевая работа Роберта Борка, написанная им вскоре после ухода с поста генерального солиситора (представителя государства в Верховном суде США) и перед назначением судьей в апелляционном суде федерального округа: *Bork R. H. The Antitrust Paradox. New York: Free Press, 1978.*

⁵² См. подробнее: *Fox E. M. The Battle for the Soul of Antitrust // Political Science, California Law Review. 1987. Vol. 75. URL: <https://lawcat.berkeley.edu/record/1112881> (дата обращения: 16.02.2021).*

западных юрисдикциях. По словам профессора Гарвардского университета Джона Хансона, «изменился мета-сценарий⁵³, формирующий идеи, концепции и выводы, составляющие первый и “высший” уровень закона»⁵⁴. В 1980-х годах политическая элита, по словам Хансона, «приняла и сделала модным ставший теперь современным (посткейнсианский) метасценарий: рынки — это хорошо, вмешательство в их работу — плохо»⁵⁵.

Это системное изменение потянуло за собой и коррекцию ряда ключевых правовых институтов, включая антимонопольное право.

Верховный суд США в прецедентном деле *Reiter v. Sonotone*, утверждая примат потребительского благосостояния в антимонопольном праве, прямо сослался на книгу Р. Борка⁵⁶, в которой он заявлял в формате политического манифеста, что применение антимонопольного права должно быть подчинено логике минимального вмешательства в рыночные отношения и основным критерием возможного его применения станет доказанное снижение доходов потребителей, измеряемое через рост цен на товары.

Вскоре и в других решениях Верховный суд США и апелляционные суды ключевых округов постепенно закрепили эту идеологию в ряде судебных прецедентов⁵⁷. С 1980-х годов и фактически до последнего времени именно идеология чикагской школы формировала облик антимонопольного права в ключевых юрисдикциях. Профессор гарвардской школы права Айнер Элгейг сформулировал это так: «Мы все теперь люди движения права и экономики»⁵⁸.

Именно на этот период — с начала 1990-х до середины 2000-х годов — пришлось широкое распространение антимонопольного регулирования по миру, а количество стран, принявших антимонопольные законы, выросло с пары десятков до ста с лишним юрисдикций, т. е. более чем в пять раз⁵⁹. Антимонопольное право транслировалось по миру, включая Россию и другие страны БРИКС, преимущественно в его чикагском изводе.

Идеология чикагской школы, направленная на ослабление антимонопольного регулирования с целью избежать так называемых ошибок первого рода, т. е. ложных срабатываний антимонопольного права в тех случаях, когда это не требовалось, оказалась как нельзя кстати с наступлением эры новой экономики — технологического уклада, основанного на информационных технологиях.

Общий подход к Интернету и цифровым решениям на его основе, предполагающий максимальное невмешательство со стороны государства, весьма созвучен этой идеологии. Р. Познер в указанной выше программной статье «Антимонопольное регулирование в новой экономике» прямо говорит, что крайне сложно просчитать, какое влияние антимонопольное регулирование может оказать на

---

⁵³ *Hanson J., Chen R.* The Illusion of Law: The Legitimizing Schemas of Modern Policy and Corporate Law // *Michigan Law Review*. 2004. Vol. 103, iss. 1. P. 1–149.

⁵⁴ *Ibid.* P. 6.

⁵⁵ *Ibid.* P. 11.

⁵⁶ *Reiter v. Sonotone Corp.* // U.S. Supreme Court. 442 U.S. 330, 343. 1979.

⁵⁷ См. подробнее: *Gerhart P. M.* The Supreme Court and Antitrust Analysis: The Near Triumph of the Chicago School // *Faculty Publications*. 1983. No. 602. URL: https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1601&context=faculty_publications (дата обращения: 16.02.2021).

⁵⁸ *The Negotiator* No one doubts that Richard Posner is a brilliant judge and antitrust theoretician. Is that enough to bring Microsoft and the government together? // *Cable News Network*. URL: https://money.cnn.com/magazines/fortune/fortune_archive/2000/01/10/271747/index.htm (дата обращения: 24.02.2021).

⁵⁹ См. подробнее: *Umut A.* The International Diffusion of Competition Laws. APSA 2010 Annual Meeting Paper // *Social Science Research Network*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1657456 (дата обращения: 16.02.2021).

развитие новой экономики, поэтому «главным словом для добросовестного антимонопольного правоприменителя и разумного судьи должно быть слово “осторожность”»⁶⁰. Хотя Познер и делает оговорку о том, что политика нулевого применения антимонопольного права в новой экономике была бы тоже ошибочной, из общего строя статьи видно, что ошибки первого рода в применении антимонопольных ограничений он считает более опасными для новой экономики, чем ошибки второго рода, т. е. пропуск возможного антиконкурентного поведения со стороны регуляторов.

В похожей логике высказывались и многочисленные последователи чикагской школы в антимонопольном праве, занявшие к началу 2000-х годов доминирующие позиции на рынке идей в сфере конкурентного права и политики. Так, Герберт Ховенкамп, один из наиболее авторитетных на тот момент американских профессоров в антимонопольной среде, в своей главной книге «Антимонопольное регулирование: принципы и реализация», подводя итог тридцатилетию антимонопольной революции в США, с нескрываемым удовлетворением отмечает: «Антимонопольное регулирование прошло длинный путь, уходя от пика своей экспансии в 1960-е и 1970-е годы. Примат благосостояния потребителей теперь твердо закреплен, и мы больше не преследуем хозяйствующие субъекты за деятельность, которая снижает цены на товары или иным образом улучшает положение потребителей»⁶¹. Именно этот подход и оказался крайне выгоден новому классу нарождавшихся монополий цифровой экономики.

Ключевыми характеристиками новых бизнес-моделей, идеально укладывающихся в представление чикагской школы о проконкурентном поведении и принятых на вооружение цифровыми платформами, стали обеспечение потребителей бесплатными или дешевыми товарами и услугами в обмен на доступ к различным потребительским данным и усиление рыночной власти за счет сетевых эффектов. Примат благосостояния потребителей понимался адептами чикагской школы в антимонопольном праве как недопустимость ограничивать какую-либо экономическую деятельность, снижающую в моменте стоимость товаров для потребителей. Таким образом, низкая или тем более нулевая потребительская цена стала идеальной индульгенцией для новых бизнес-практик цифровых компаний.

Лина Кан, ныне один из ярких адвокатов нового антимонопольного регулирования в США, выпустила в 2017 г. статью, названную по аналогии с книгой Р. Борка «Антимонопольный парадокс», ставшей, как мы говорили выше, манифестом антимонопольной революции в 1980-е годы. В работе «Антимонопольный парадокс Амазона»⁶² Кан убедительно показала, что низкие цены, предлагаемые потребителям на платформе Amazon, могут иметь весьма негативные последствия для состояния конкуренции и здоровья экономической системы в целом. Статья Кан удачно совпала с набиравшей силу волной общественной и экспертной обеспокоенности сложившейся ситуацией с монополизацией цифровой экономики и стала той соломинкой, которая сломала хребет длившемуся более 30 лет чикагскому консенсусу в антимонопольном праве⁶³.

---

⁶⁰ Posner R. A. Antitrust in the New Economy.

⁶¹ Hovenkamp H. The Antitrust Enterprise: Principle and Execution. Harvard: Harvard University Press, 2005. P.305.

⁶² Khan L. M. Amazon's Antitrust Paradox // Yale Law Journal. 2016. Vol. 126. URL: <https://www.yalelawjournal.org/note/amazons-antitrust-paradox> (дата обращения: 16.02.2021).

⁶³ См. подробнее: Amazon's Antitrust Antagonist Has a Breakthrough Idea // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2018/09/07/technology/monopoly-antitrust-lina-khan-amazon.html> (дата обращения: 16.02.2021).

Сегодня уже очевидно, что цифровые платформы, пользуясь антимонопольной индульгенцией низких или нулевых цен, стратегически резервировали себе доминирующие позиции в новом технологическом укладе⁶⁴. Когда речь идет о «командных высотах» в цифровой экономике, затраты на обеспечение «благополучия потребителей» в моменте выглядят вполне допустимой жертвой. Ключевой вопрос — какова цена, которую платит общество за тактические выгоды от «бесплатных» сервисов цифровых платформ. Одним из очевидных последствий становится стремительный рост дисбалансов в мировой экономике.

3. Обратная сторона цифровизации

Режим наибольшего благоприятствования, запущенный в середине 1990-х годов для развития цифровых технологий, а также либерализация и глобализация мировой торговли привели к новому состоянию мировой экономической системы.

Гиперглобализация и цифровизация превратились в две силы, которые взаимно укрепляют друг друга, и от этого рост глобальной экономики становится все более и более неравномерным. Вскоре после революции 1917 г., ознаменовавшей собой крах империй старого мира и начало болезненного перехода к новому экономическому порядку, Владимир Ленин произнес знаменитую фразу: «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны»⁶⁵. Лидеры эпохи цифрового капитализма могли бы сказать, что цифровая экономика — это рыночная власть плюс цифровизация всего мира.

В 2000 г. министр финансов США Ларри Саммерс, говоря о глобальной экспансии цифровых технологий, продвигаемой США, отмечал: «Это позволяет нам получить большие преимущества в новой экономике, построенной на масштабе; это позволяет сетям быть больше и это позволяет большей доле экономической ценности застревать в этих сетях... В этом смысле будет лишь небольшим преувеличением сказать, что относительные конкурентные преимущества важны в экономике вчерашнего дня, в то время как для экономики дня сегодняшнего важен прежде всего глобальный масштаб»⁶⁶.

В предисловии к первому докладу о цифровой экономике Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш отметил: «В небывало короткие сроки прогресс в цифровых технологиях привел к созданию колоссального богатства, сосредоточенного, однако, у небольшой группы лиц, компаний и стран. При сохранении нынешней политики и существующих нормативных положений эта тенденция, вероятно, сохранится, вызывая дальнейшее увеличение неравенства»⁶⁷. В своем годовом докладе за 2017 г. ЮНКТАД делает важный акцент на том, что «гиперглобализация привела к значительной концентрации экономической мощи и богатства в руках крайне небольшого числа людей»⁶⁸. Данные ООН подтверждаются

---

⁶⁴ См. подробнее: *Basu K. The Law and Economics of Markets with Digital Platforms // Cornell Legal Studies Research Paper No. 20–32. 2020. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3566590 (дата обращения: 16.02.2021).*

⁶⁵ *Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967–1981. Т. 42. С. 159.*

⁶⁶ *Summers L. H. The New Wealth of Nations: Remarks by Treasury Secretary at Hambrecht & Quist Technology Conference // U.S. Department of the Treasury. 2000. URL: <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/ls617.aspx> (дата обращения: 24.02.2021).*

⁶⁷ *The Digital Economy Report 2019 // UNCTAD. 2019. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf (дата обращения: 16.02.2021).*

⁶⁸ *Trade and Development — Beyond Austerity: Towards a Global New Deal // UNCTAD. Report, Overview. 2017. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/trdr2017_en.pdf (дата обращения: 16.02.2021).*

недавними эмпирическими исследованиями: за последние 25 лет богатейший 1 % получил больше доходов, чем беднейшие 50 % вместе взятые. «Доходы и богатство отнюдь не “просачиваются сверху вниз”, но, напротив, с угрожающей скоростью “всасываются” верхушкой»⁶⁹. Действительно, с 2015 г. богатейший 1 % владеет бо льшим богатством, чем все остальное население мира вместе взятое (99 %) ⁷⁰. Эта проблема только усугубляется на фоне текущих технологических сдвигов, перехода мировой экономики в новое цифровое качество. Цифровизация, с одной стороны, сыграла первостепенную роль в становлении глобальной мировой экономики и ее взаимосвязанного характера, а с другой — способствовала значительному перераспределению богатства в глобальном масштабе.

Риски, связанные с непринятием во внимание этой проблемы, могут оказаться чрезвычайно высокими. Например, Джозеф Стиглиц в книге «Цена неравенства» показывает, что рост неравенства влечет за собой большие потери для обществ и государств — неравенство создает серьезные дисбалансы в развитии, следствием чего становится долгосрочная нестабильность. Эта проблема связана с широким кругом вопросов обеспечения жизнеспособности экономики. Согласно Стиглицу, в обществах с высоким уровнем неравенства «не может быть эффективного функционирования институтов, а экономика не может иметь ни стабильного, ни устойчивого характера»⁷¹.

Незадолго до смерти, отвечая на вопросы поклонников на своей странице в сообществе «р/наука»⁷² на сайте reddit.com, астрофизик Стивен Хокинг так высказался о перспективах развития нашего общества в свете текущих технологических изменений: «Если все, что нам нужно, будет производиться машинами, общий исход будет зависеть от того, как все будет распределяться. Если производимое машинами богатство будет общим, все люди могут захотеть роскошной праздной жизнью, однако если владельцам машин удастся успешно пролоббировать свои интересы и богатство не будет перераспределяться, большинство людей окажутся в нищете. Пока что, судя по всему, наблюдается тенденция ко второму варианту, при котором технологии приводят к постоянному росту неравенства»⁷³.

Проблема растущего неравенства в мировой экономики за последние несколько лет плотно вошла в число приоритетов мировой политической повестки. Президент России Владимир Путин, выступая на Петербургском экономическом форуме в 2019 г., отмечал: «Монополия всегда означает концентрацию доходов у немногих за счет всех остальных, и в этом смысле попытки монополизировать новую технологическую волну, ограничить доступ к ее плодам выводят на совершенно новый, иной уровень проблемы глобального неравенства как между странами и регионами, так и внутри самих государств. И мы хорошо понимаем, что это основной источник нестабильности»⁷⁴. В похожей логике Председатель

---

⁶⁹ An Economy for the 99 %. Oxfam Briefing Paper // Oxfam. 2017. URL: https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/bp-economy-for-99-percent-160117-en.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Стиглиц Дж. Цена неравенства: Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. С. 148.

⁷² Наименование «р/наука» (r/science) получил интернет-форум на сайте reddit.com, где сообщество участников обсуждает научные темы.

⁷³ Hawking S. Science AMA Series Answers // Reddit. 8 October, 2015. URL: https://www.reddit.com/r/science/comments/3nyn5i/science_ama_series_stephen_hawking_ama_answers/cv5dmkv (дата обращения: 16.02.2021).

⁷⁴ См. подробнее: Путин В. В. Выступление на пленарном заседании Петербургского экономического форума // Официальный сайт Администрации Президента России. 2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 16.02.2021).

КНР Си Цзиньпин в своем недавнем программном выступлении на Всемирном экономическом форуме также подчеркнул, что «в руках богатейшего 1 % населения мира сосредоточено больше богатства, чем в руках остальных 99 %»; он выразил тревогу относительно «неравенства в распределении доходов и неравномерного развития», что «является самой серьезной проблемой, стоящей сегодня перед миром»⁷⁵.

Опасения по поводу растущего неравенства в мире стали важным элементом в нынешних дискуссиях о цифровой экономике⁷⁶. Однако, несмотря на растущий политический и научный интерес к этим проблемам, очень мало делается для переламывания тренда на цифровую монополизацию мировой экономики и глобальный рост неравенства. Здесь трудно удержаться от вопросов о причинах подобного положения вещей и возможных путях его изменения.

4. Начать с исправления имен

Конфуций в своих «Беседах и суждениях» на вопрос ученика: «Если правитель намеревается привлечь вас к управлению государством, что вы сделаете прежде всего?», — отвечал: «Необходимо начать с исправления имен... Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться»⁷⁷.

История взаимосвязанного развития процессов цифровизации и глобализации содержит важные элементы новой мифологии, а именно мифологии экстрактивного капитализма, как его назвала Марианна Маццукато. В книге, посвященной вопросам производства и присвоения ценности в мировой экономике, Маццукато подчеркивает, насколько важно называть экономические явления своими именами, поскольку слова, используемые для описания экономической жизни, и связанные с ними смыслы оказывают существенное влияние на формирование экономической политики. По ее замечанию, «сумбурный и сбивающий с толку подход к определению понятия стоимости, в настоящее время доминирующий в экономике», порождает парадоксальную государственную политику, например стимулирование непродуктивной деятельности вроде рекламы, которая, будучи основным источником прибыли цифровых платформ, не несет общественного блага и не способствует гармоничному развитию экономики⁷⁸. По мнению М. Маццукато, одним из основных последствий этого сумбурного и сбивающего с толка подхода к пониманию процесса создания и распределения стоимости, стало то, что правительства не смогли должным образом отреагировать на очевидную связь между ростом цифровых монополий и падением доходов населения в мире. Доказывая наличие этой связи, она приводит в пример приватизацию данных, которая осуществляется исключительно в интересах корпоративных гигантов и порождает «новую форму неравенства — неравный доступ к ценности, извлекаемой из больших данных»⁷⁹.

Слова важны, поскольку язык, на котором говорят право и политическая система, часто определяет и направление их развития. То, что цифровые моно-

---

⁷⁵ Full Text of Xi Jinping keynote at the World Economic Forum // CGTN America. 2017. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (дата обращения: 16.02.2021).

⁷⁶ См. подробнее: *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2016; *Ekbja H., Nardi B.* Heteromation and Other Stories of Computing and Capitalism. Cambridge: MIT Press, 2017.

⁷⁷ *Конфуций.* Лунь Юй. М.: Восточная литература, 2001. С. 89–90.

⁷⁸ *Mazzucato M.* The Value of Everything. Making and Taking in the Global Economy. P. 221.

⁷⁹ Ibid.

полии называют ценностью и «благополучием потребителей», на деле часто оказывается не более чем формой извлечения ренты из эксплуатации определенных ресурсов и тех же потребителей.

Каково реальное значение цифровой экономики как социального явления? Действительно ли это подлинный технологический прорыв или же лишь новый способ «продать» широкой общественности и политикам старые неолиберальные представления о глобальной экономике, ослабить регулирование и позволить монополиям уклониться от надлежащих сдержек и противовесов, избежать ограничения их рыночной власти?

Известный историк технологического развития Евгений Морозов расценивает всеобщий энтузиазм относительно цифровой экономики среди представителей глобального бизнеса и мировых экспертов как очередную попытку «сделать капитализм более приемлемым с моральной точки зрения. <...> Капиталистические мыслители по-прежнему с надеждой смотрят на Кремниевую долину и ее культуру... цифровая экономика тем временем все больше выходит на первый план в коллективном воображении западного капитализма [и дает] благодатную почву для создания регенеративных мифов»⁸⁰.

По мере нарастания глобального неравенства и усиления социальных противоречий будет предприниматься все больше попыток переформулировать правовой и экономический дискурсы в интересах основных бенефициаров нового экономического порядка — цифровых монополий. В Докладе ООН о цифровой экономике подчеркивается, что лоббирование в кругах лиц, отвечающих за разработку и формирование политики как на национальном, так и на международном уровне, является важным механизмом, с помощью которого глобальные цифровые платформы могут укреплять свои конкурентные позиции⁸¹.

Опубликованная в конце 2020 г. инициатива Европейской комиссии по системной реформе антимонопольного регулирования Европейского союза с целью адаптации к условиям цифровой экономики уже вызвала бурную лоббистскую реакцию со стороны цифровых монополий, которые начали буквально заливать деньгами экспертные и академические круги Европы, чтобы сформировать вокруг этой законодательной инициативы пространство недоверия и сомнений⁸².

Вполне вероятно, что те истории и представления, которыми лоббисты «кормили» и продолжают «кормить» регуляторов по всему миру через эти и подобные механизмы, представляют собой лишь форму сокрытия истинного смысла вещей, а проще говоря, являются недобросовестной конкуренцией на рынке идей, как говорил Рональд Коуз⁸³.

В качестве примера можно привести знаменитый девиз «Конкуренция начинается всего с одним нажатием клавиши» («Competition is just one click away»), созданный и продвигаемый Google в ответ на обвинения в злоупотреблении доминирующим положением в начале 2010-х годов⁸⁴. Поиск в Google

⁸⁰ *Morozov E.* Digital Socialism? The Calculation Debate in the Age of Big Data // *New Left Review*. 2019. Iss. 116/117. P. 33.

⁸¹ *Digital Economy Report. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries.* UNCTAD, 2019. P. 17.

⁸² См. подробнее: Big Tech Turns Its Lobbyists Loose on Europe, Alarming Regulators // *The New York Times*. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/14/technology/big-tech-lobbying-europe.html> (дата обращения: 16.02.2021).

⁸³ *Coase R. H.* The Market for Goods and the Market for Ideas // *The American Economic Review*. 1974. Vol. 64, no. 2. P. 384–391. URL: <http://www.jstor.org/stable/1816070> (дата обращения: 24.02.2021).

⁸⁴ См. подробнее: Google's Approach to Competition // *Googleblog.com*. 2009. URL: <https://publicpolicy.googleblog.com/2009/05/googles-approach-to-competition.html> (дата обращения: 16.02.2021).

«Competition is just one click away» в указанный период активного использования Google этого лозунга в его лоббистской активности давал более 9,5 млн результатов поисковой выдачи, почти столько же, сколько «In God we Trust» и в 50 раз больше, чем «God Save America»⁸⁵. Сейчас по этому запросу уже почти 300 млн результатов поисковой выдачи, хотя Google прекратил его активное продвижение и использование в защите своих интересов в силу очевидной дискредитации данного лозунга. Таким образом, Google, используя возможности по продвижению некоторых концепций и смыслов в собственной поисковой выдаче, вероятно, пытался оказывать влияние на общественное мнение и, как следствие, на формирование государственной политики.

Антимонопольное право, пропустившее стремительную монополизацию рынков цифровой экономики, оперировало гораздо более наукообразными и технически сложными концепциями, чем указанный лозунг компании Google, однако трудно переоценить значение сформированных чикагской школой идеологических штампов в деле ослабления антимонопольного контроля в цифровой сфере.

Как мы уже говорили, ключевым достижением чикагской школы, как это видели ее основатели и наиболее авторитетные последователи, стало привнесение в антимонопольное регулирование однозначного целеполагания — обеспечение благосостояния потребителей было объявлено единственной легитимной целью антимонопольного права. Примат защиты потребительского благосостояния стал тем прокрустовым ложем, в которое должны уместиться все положения антимонопольного закона. Однако цель, представлявшаяся апологетам чикагской школы четкой и конкретной, оказалась малопонятной и вызывающей бесконечные споры. Уже в 1987 г. Джозеф Бродлей удивлялся: несмотря на то что представления чикагской школы были приняты как более «научные и строгие, если сравнивать с более мягкими ценностями применявшегося ранее инклюзивного подхода, включавшего в себя и неэкономические ценности», и «в результате в судебных решениях и научных статьях все заполнено тезисами об эффективности и примате благосостояния потребителей», в реальности «эти термины используются в антимонопольных текстах, однако очень мало анализируются». По его словам, «термины “эффективность” и “благосостояние потребителей” стали доминирующими в антимонопольном праве без какого-либо ясного понимания, что они в действительности означают»⁸⁶. После антимонопольной революции 1980-х годов антимонопольное право в ключевых юрисдикциях ориентировалось на понятие «благосостояние потребителей». Барак Орбах проанализировал, как это понятие использовалось в американской судебной практике за 30 лет, и пришел к выводу о его высокой неопределенности⁸⁷. Действительно сложно представить более универсальную категорию, чем «благосостояние». Под ней можно понимать все, что угодно — от простых материальных благ до духовных богатств. Казалось бы, и вопросы неравенства и справедливого распределения экономических благ тоже вписываются в это широкое понятие. Однако примат потребительского благосостояния странным образом за последние 30 лет был направлен лишь на отсеечение возможностей антимонопольного регулирования экономических

---

⁸⁵ Эти расчеты были получены Эриком Клемонсом, профессором по оперативной информации и решениям в бизнес-школе Wharton: *Clemons E. One Click Away? Maybe and Maybe Not* // huffpost.com. 16 August, 2011. URL: https://www.huffpost.com/entry/google-one-click-away_b_928009?gucounter=1 (дата обращения: 16.02.2021).

⁸⁶ *Brodley J. F. The Economic Goals of Antitrust: Efficiency, Consumer Welfare, and Technological Progress* // New York University Law Review. 1987. Vol. 62. P. 1031.

⁸⁷ *Orbach B. Y. The Antitrust Consumer Welfare Paradox* // Journal of Competition Law & Economics. 2011. Vol. 7, no. 1. P. 133–164.

отношений, напрямую не влияющих на ценовое предложение товаров и услуг. Подобная смысловая подмена имела важное практическое последствие: из обихода антимонопольного права были исключены любые цели за рамками довольно ограниченного спектра вопросов, влияющих на рост потребительских цен. Если на терминологическом уровне сложно отрицать, что «благополучие потребителей» может быть разумной целью правового порядка, то конкретный смысл, вкладываемый в это понятие в рамках той доктрины, которая его ставит во главу угла, не всегда очевиден с первого взгляда. Именно узкое значение, которое удалось продалить в рамках дискуссии о будущем антимонопольного регулирования сторонникам чикагской школы, привело к заметному снижению влияния антимонопольного права на развитие цифровой экономики.

Другим основополагающим для антимонопольного права чикагского извода понятием стало понятие относимого товарного рынка (*relevant market*), через призму которого рассматриваются все остальные вопросы антимонопольного регулирования. Согласно сложившемуся антимонопольному праву и доктрине, антиконкурентное поведение необходимо рассматривать только применительно к такому условному явлению, как выделенный в определенных товарных и географических границах рынок⁸⁸. Когда антимонопольное право говорит о потребителях и их благополучии, то имеет в виду именно потребителей, покупающих товары на таком условном рынке. Также и конкурентами рассматриваемого в контексте антимонопольных нарушений предприятия считаются только фирмы, работающие на том же условно очерченном рынке. Товарный рынок в этом контексте представляет собой умозрительную категорию: правоприменитель проводит условные границы, в которых, по его мнению, осуществляется конкуренция. А значит, границы товарного рынка не являются чем-то объективным, что правоприменитель лишь должен описать. Не существует объективного критерия, позволяющего утверждать, что за рамками очерченных границ никакого конкурентного процесса не происходит, или же наоборот, что конкуренция простирается на весь очерченный периметр. Определение релевантного товарного рынка выступает аналитической задачей, которую решает правоприменитель, исходя из определенных вводных от законодателя. В рамках развернувшейся в ходе антимонопольной революции 1980-х годов дискуссии конструкция товарного рынка связывалась с количественными характеристиками ценового предложения на этом рынке. В такой логике так называемые товарные границы выделяемого рынка (т. е. набор включаемых в анализ типов товаров, признаваемых взаимозаменяемыми с потребительской точки зрения) должны определяться через характеристики эластичности спроса на товары. Рыночная власть хозяйствующих субъектов соответственно описывается через возможность определять цену на товары в очерченных границах в зависимости от состояния конкуренции на рынке. Одно из ключевых свойств этой смысловой категории заключается в том, что, будучи заданной в антимонопольном споре, она определяет все дальнейшее развитие дела. Вопрос определения релевантного товарного рынка становится ключевым при определении рыночной власти и возможных мер антимонопольного реагирования. Как и фетишизация ценовой конкуренции в рамках примата защиты благополучия потребителей в ущерб другим вопросам усиления и использования рыночной власти, указанный методологический прием, загоняющий любой антимонопольный анализ в парадигму исходного определения условного товарного рынка, помог резко снизить антимонопольное воздействие на цифровых гигантов. Майкл Якобидес и Янис

---

⁸⁸ *Werden G. The History of Antitrust Market Delineation // Marquette Law Review. 1992. Vol. 76. P. 123–215.*

Лианос отмечают: «С возникновением мультипродуктовых и мультисубъектных экосистем и платформ, которые охватывают множественные виды экономической деятельности... концепция [релевантного товарного рынка] больше не может адекватно отражать новую реальность»⁸⁹.

Следование идеологическим штампам чикагской школы в антимонопольном праве, ложным представлениям об экономической ценности и природе Интернета как явления уже привели нас к серьезному кризису в экономическом и социальном развитии. Возможно, правильное решение удастся найти, начав с переосмысления целей и смысла тех правовых институтов, которыми мы пользуемся, — с того самого исправления имен по Конфуцию. В контексте разрушения чикагского консенсуса в антимонопольном праве и переоценки ключевых постулатов регулирования цифровой экономики эта задача представляется вполне своевременной.

Михаил Агарков, выдающийся российский и советский ученый-правовед, ставший свидетелем масштабных социально-экономических преобразований начала XX в., отмечал, что к началу XX в. «цельного мирозерцания уже не было, и наука должна была обратиться к основным вопросам гражданского права, проверить старые истины, откинуть отжившее, быть может, заново формулировать свои исходные положения»⁹⁰. Сталкиваясь с новыми явлениями, такими как цифровая экономика, сегодняшние политики всех стран осознают необходимость поиска подобного «цельного мирозерцания».

Однако из многочисленных попыток регулирования цифровой экономики явствует, что они часто следуют механистической традиции понимания права, т. е. относительно простой модели, основанной на классификации и линейной логике. Законодатели всего мира уже долгое время погружены в пучину дискуссий о больших данных, цифровых платформах, социальных сетях и искусственном интеллекте. Однако предложенные ими фрагментированные режимы регулирования каждого из этих явлений по отдельности не опираются на сколь бы то ни было целостное и удовлетворительное представление о цифровом будущем. В сущности, у такой законодательной работы, опирающейся на механистическую правовую традицию, может быть лишь один практический результат — она позволяет сохранить статус-кво и уклониться от поиска ответов на «проклятые» вопросы, начиная с вопросов о распределении выгод и рисков и заканчивая вопросами устойчивого развития цифровой экономики.

Механистический закон, преобразовавшийся в замкнутую систему, основанную на определенных классификациях и линейной логике, остался историческим фактом индустриальной эпохи. Фритьоф Капра и Уго Маттеи тщательно проследили этот аспект развития права в контексте индустриализации в течение прошлого столетия. По их мнению, текущим итогом эволюции права стала его чрезмерная адаптация к логике индустриальной экономики: «Механистическая ловушка дает видение правовой системы как совокупности ранее существовавших правовых норм, которые формально распространяются на всех, как сильных, так и слабых. Эта идеология заставляет простых законопослушных людей думать о законе почти так, как если бы это был набор инструкций по сборке потенциально опасного устройства»⁹¹. Авторы утверждают, что проблема механистического применения права (они называют ее «механистической ловушкой») является одной

---

⁸⁹ *Jacobides M. G., Lianos I. Ecosystems and Competition Law in Theory and Practice // CLES Research Paper Series. 2021. URL: <https://www.ucl.ac.uk/cles/sites/cles/files/cles-1-2021.pdf> (дата обращения: 24.02.2021).*

⁹⁰ *Агарков М. М. Ценность частного права // Правоведение. 1992. № 1. С. 36.*

⁹¹ *Capra F., Mattei U. The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. Oakland: Berrett-Koehler, 2013. P. 125.*

из наиболее серьезных проблем, унаследованных современной юриспруденцией и юридической практикой от индустриальной эпохи.

Восторг перед машинами и механизмами, царивший в период индустриализации в XX в., породил соответствующий тип мышления, который во многих отношениях уничтожил живой дух закона и тем самым лишил его способности эффективно реагировать на главный вызов нынешнего времени — новый этап промышленной революции. Будучи механизирован и превращен в замкнутую систему, закон лишился способности адаптироваться и, как следствие, оказался плохо пригоден для ответа на новые вопросы цифровой эпохи.

Социолог Зигмунд Бауман в книге «Текущая современность» весьма точно отразил ключевой элемент этой новой экономической и социальной реальности, развивающейся беспрецедентно быстрыми темпами и сопровождаемой разнонаправленными по своей природе изменениями. Бауман описал состояние человечества на его нынешней стадии развития через свойства жидкости: «Жидкости, в отличие от твердых тел, не могут легко сохранять свою форму. Жидкости, так сказать, не фиксируют пространство и не связывают время. <...> Жидкости легко перемещаются. Они текут, проливаются, иссякают, брызгают, переливаются, просачиваются, затопляют, распыляются, капают, просачиваются, выделяются; в отличие от твердых тел, их нелегко остановить — одни препятствия они обтекают, другие — растворяют, а через третьи — просачиваются. После встречи с твердыми телами они остаются невредимыми, тогда как твердые тела, с которыми они встретились, если и остаются твердыми, то изменяются — становятся влажными или мокрыми. <...> Таковы основания для того, чтобы считать “текучесть” или “жидкое состояние” подходящими метафорами, когда мы хотим постичь характер настоящего, во многих отношениях нового этапа в истории современности»⁹².

Что происходит, когда текучая цифровая экономика сталкивается с механистическими законами, накрепко застывшими в их твердой форме? Она попросту обтекает эти твердые законы. Или же, если препятствие очень большое, такой твердый объект может блокировать движение жидкости, но, как и в случае любой другой плотины, лишь в определенной мере.

Следовательно, чрезвычайно важно признать фундаментальный характер конфликта, в который вступают друг с другом действующие законы и текучая, подобная жидкости экономическая среда.

Проблемы, с которыми сталкивается сегодняшнее человечество, оказались в высокой степени экзистенциальными в связи с растущим уровнем неравенства и быстрыми изменениями, вызванными новой промышленной революцией. И общество, совершенно не готовое к таким вызовам, прибегает, к сожалению, к имеющимся у него средствам, которые скорее мешают, нежели помогают решить возникающие проблемы. В недавнем докладе Всемирного экономического форума среди ключевых замечаний названо то, что «существующим институтам крайне трудно эффективно реагировать на темпы изменений и их распределенный характер»⁹³.

В некотором смысле именно на такой вызов и было призвано ответить анти-монопольное право на предыдущем переломе эпох — на рубеже XIX и XX вв., когда оно появилось в США. Его основное отличие от других правовых институтов состояло в гибкости и способности адекватно реагировать на вызовы времени.

⁹² Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 8.

⁹³ Our Shared Digital Future: Building an Inclusive, Trustworthy and Sustainable Digital Society. WEF Report. 2018. P.4. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Our_Shared_Digital_Future_Report_2018.pdf (дата обращения: 24.02.2021).

Именно это качество сделало антимонопольное право в США одним из ключевых факторов успешного прохождения через турбулентность промышленной революции того времени. Сегодня в дискуссиях об отмене чикагского консенсуса и переходе на новую модель антимонопольного регулирования в США и странах Западной Европы обычно вспоминают успешный опыт использования антимонопольного права во время прошлого технологического перехода. Не зря Берни Сандерс, входящий в ряд ключевых политиков в Демократической партии США и недавний кандидат в президенты страны, сделал одним из ключевых тезисов своей политической платформы задачу «возродить американскую традицию контроля власти корпораций и защиты честной конкуренции через антitrust»⁹⁴. Насколько такая традиция может быть действительно полезной при ответе на вызовы монополизации в цифровой экономике сегодня? Ответ на этот вопрос сегодня ищут многие антимонопольные регуляторы и законодатели по всему миру, сталкивающиеся с перекосами развития цифровой экономики.

5. Особенность антимонопольного регулирования

Антимонопольное право родилось на стыке технологических укладов. Это изначально был институт, призванный решить социальные и экономические противоречия, вызванные в капиталистическом обществе волной технологической революции.

Сенатор США Джон Шерман, автор первого в мире антимонопольного закона, названного его именем — «акт Шермана», и живой свидетель волны промышленной революции рубежа XIX и XX вв., призывая Конгресс США одобрить его законопроект, говорил: «Господа, в настоящее время народ Соединенных Штатов, как и народы других стран, ощущает мощь и хватку этих монополистических объединений и требует от каждого законодательного собрания и от Конгресса средств правовой защиты от этого зла, которое лишь недавно приобрело столь серьезные масштабы. Монополии и привилегии существовали и прежде, но никогда не было таких гигантов, как в наши дни. Услышьте этот призыв или готовьтесь к приходу социалистов, коммунистов и нигилистов»⁹⁵.

Противопоставление рыночной системы, вооруженной антимонопольным законом, принципиально другому социальному укладу, выражающемуся в приходе коммунистов и нигилистов, стало не просто риторическим приемом, а реальным ценностным предложением антимонопольного права. В условиях вызванной промышленной революцией резкой смены социально-экономической системы антимонопольное право рассматривалось как балансирующий механизм, позволяющий преодолеть перекосы бурного развития и трансформации рыночной системы.

Похожий взгляд на роль антимонопольного права сложился и в Европе. Джулиано Амато, бывший премьер-министр Италии и один из лидеров проекта европейской конституции, высказался по данному вопросу так: «Конкурентное право, как мы знаем, не было изобретено ни знатоками коммерческого права (хотя они первыми стали в нем специалистами), ни самими экономистами (хотя они и дали ему наиболее прочное культурное обоснование). Напротив, его появления желали политики, а в Европе ученые, чуткие к тем опорам, на которых зиждутся

⁹⁴ Sanders B. Foreword // Teachout Z. Break 'Em Up. New York: St. Martin's Publishing Group, 2020.

⁹⁵ Congressional Record U.S. Senate // Applied Antitrust Law. March 21. Rec. 2460. URL: http://www.appliedantitrust.com/02_early_foundations/3_sherman_act/cong_rec/21_cong_rec_2455_2474.pdf (дата обращения: 16.02.2021).

демократические системы, и видевшие в нем возможное решение важнейшей проблемы демократии: компания или фирма, которая является выражением фундаментальной свободы на частную предпринимательскую деятельность, становится источником феномена, по сути противоположного этой свободе — власти частной корпорации, а именно опасной и лишенной легитимности власти, способной нарушить не только экономическую свободу других частных лиц, но и баланс общественных решений, подверженных влиянию ее доминирующей силы»⁹⁶.

В похожей логике была написана и Конституция постсоветской России. Статья 34 Конституции нашей страны⁹⁷ состоит из двух частей: ч. 1 закрепляет право каждого «на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности», а ч. 2 устанавливает, что «не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию».

Таким образом, запрет на монополизацию и недобросовестную конкуренцию в нашем Основном законе неразрывно увязан с базовым правом на осуществление предпринимательской деятельности. Можно сказать, что антимонопольный запрет является оборотной стороной права на экономическую деятельность. Это логично с учетом того, что источником происхождения антимонопольного права в основных западных юрисдикциях стала теория злоупотребления правом. По сути, запрет антиконкурентных действий представляет собой частный случай злоупотребления правом и в значительной мере вытекает из нее. Пункт 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ прямо устанавливает, что «не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке». Однако запрет на монополизацию — это такой случай злоупотребления правом на экономическую деятельность, который имеет в виду фундаментальные риски для существования рыночной системы. Причем Конституция в качестве угрозы для экономической системы рассматривает именно действия хозяйствующих субъектов, направленные на монополизацию, т. е. на получение такой рыночной власти, при которой становятся опасны, даже если ничего противозаконного такие хозяйствующие субъекты не предпринимают.

Некоторая двойственность, неопределенность квалификации экономической деятельности, и правомерной, и запрещенной одновременно, — отличительная особенность антимонопольного регулирования. Другие правовые институты, как правило, стараются описывать положение субъектов экономической жизни наиболее определенным образом, но, с учетом генезиса происхождения и характера решаемых задач, антимонопольные запреты не должны быть формализованы до той степени определенности, которая закономерно ожидается в отраслях публичного права. В связи с этим антимонопольное регулирование гораздо ближе к частноправовой сфере, в большей степени оперирующей оценочными категориями. Подход конституционного законодателя, увязавшего антимонопольные запреты с возможностью реализации права на экономическую деятельность, показывает, что это ограничение скорее выполняет функцию внутреннего балансира, удерживающего реализацию гражданских прав в рамках их целевого и социально-полезного назначения, а не функцию внешнего административного ограничения.

⁹⁶ Amato G. *Antitrust and the Bounds of Power*. Oxford: Hart Publishing, 1997. P. 2.

⁹⁷ Все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты, судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 29.06.2021).

Взгляд на антимонопольное регулирование как на особый тип правового воздействия на экономическую жизнь в рыночной экономике исторически свойствен большинству развитых юрисдикций.

Гибкость стала главной отличительной характеристикой регулирования конкуренции во всех странах, принявших соответствующие законы, но особенно там, где механизмы законодательства о защите конкуренции изначально создавались для обеспечения эффективного функционирования капиталистической системы. Конкретные особенности механизмов работы законов о конкуренции определяются именно их гибкостью и направленностью на предотвращение чрезмерной концентрации рыночной власти и, как следствие, системных перекосов в экономической жизни.

Антимонопольное право в США долгое время вполне справлялось с этой задачей. Даже наиболее яркие критики антимонопольного регулирования, такие как упомянутый выше Питер Тиль, не могут отрицать данного влияния. Так, все успешные монополии, названные Тилем, — AT&T, IBM, Microsoft и Google, чья жажда монопольных доходов, а потом их использование позволили им двигать прогресс, — были фигурантами самых громких антимонопольных дел в истории американского и европейского конкурентного права. Завершилась бы монополия AT&T в телекоммуникационной отрасли и появились бы сотовые операторы, если бы американское антимонопольное ведомство не разделило этого монополиста на семь компаний и не установило жесткие требования к использованию телекоммуникационной инфраструктуры его наследниками? Удалось бы Microsoft стать монополистом на рынке программного обеспечения, если бы IBM на протяжении нескольких лет не находилась под увеличительным стеклом антимонопольного регулятора, который не позволил ей за счет монопольно низкой цены на рынке персональных компьютеров уничтожить зарождающихся конкурентов в сфере программного обеспечения? Смог бы Google выйти на тот уровень монопольных доходов в Интернете, если бы антимонопольные ведомства не заставили Microsoft допустить сторонних разработчиков интернет-браузеров в его операционную систему и тем самым стимулировать конкуренцию на рынке интернет-услуг?

Тим Ву отмечает: «Настоящая проблема с AT&T стала очевидна только после того, как государство приняло решительные меры, чтобы разделить монополию: волна за волной новые продукты и сервисы стали заполнять рынок, начиная от голосовой почты и заканчивая Интернетом, — стало понятно, насколько фундаментально система, построенная Беллом, сдерживала прогресс»⁹⁸. Таким образом, монопольный доход лидера цифровой экономики AT&T на определенном этапе уже никак не стимулировал компанию к активным инновациям, а антимонопольное вмешательство заставило инновационное колесо закрутиться с новой силой.

Тем более задачи борьбы с монополиями актуальны сегодня. Джозеф Стиглиц подчеркивает: «Изменения, происходящие в нашей экономике и в нашем понимании взаимоотношения между экономикой и политикой, требуют от антимонопольного регулирования более широкого охвата, чем тот, который был изначально предусмотрен создателями антимонопольного законодательства, особенно это касается развивающихся стран и рынков»⁹⁹.

В отличие от позитивного регулирования, чья цель заключается в установлении фиксированных правил, конкурентное право представляет собой набор

---

⁹⁸ Wu T. *The Master Switch: The Rise and Fall of Information Empires*. New York: Columbia Law School, 2010.

⁹⁹ Stiglitz J. *Towards A Broader View of Competition Policy*. New York: Roosevelt Institute Working Paper. 2017. P. 3.

гибких инструментов, направленных на решение проблем и устранение «узких мест» в экономическом развитии. В рамках новой технологической парадигмы регулирование конкуренции должно быть нацелено прежде всего на снятие барьеров для выхода на новые рынки и расширение доступа к ключевым технологиям и данным. Законодателям развивающихся стран, желающим обеспечить экономике своей страны конкурентоспособность в XXI в., следует стремиться именно к этой цели — дать праву новую жизнь и сделать его более гибким.

Вполне вероятно, что именно выработка решений, закрепляющих за человеком роль субъекта, а не эксплуатируемого ресурса цифровой экономики, станет наиболее важным методом борьбы с растущей глобальной нестабильностью и неравенством. В свете крепнущей власти машин и цифровых монополий, присваивающих себе львиную долю дивидендов от цифровой экономики, людям должны быть предоставлены более широкие возможности для самореализации. С этой точки зрения вполне логичным представляется утверждение Элеоноры Фокс о том, что «необходимо дополнить неоклассическую экономическую концепцию совокупного экономического благосостояния представлением о правах человека»¹⁰⁰. Идея укрепления правового положения человека и предоставления ему новых возможностей должна стать основой, на которой будут формироваться новые законодательные инициативы в этой сфере.

Важнейшей сферой экономической жизни, на которую должно быть направлено возрождение права в цифровой экономике, является сфера распространения знаний и информации. По словам Томаса Пикетти, «на протяжении длительного времени основной силой, содействующей большему равенству, было распространение знаний, технологий и навыков»¹⁰¹. В то же время Пикетти отмечает, что всестороннее распространение знаний и технологий, способствующее большему равенству, часто сдерживается силами, враждебно настроенными к такого рода изменениям: «Главное заключается в том, что какой бы значимой ни была эта уравнивающая сила, обеспечивающая сближение между странами, иногда над ней могут брать верх силы расхождения, действующие в противоположном направлении, т. е. силы, способствующие увеличению и углублению неравенства»¹⁰².

Расширение доступа к знаниям и передовым технологиям выступает мощным инструментом преодоления неравенства, особенно в развивающихся странах, а следовательно, представляет собой наиважнейшую цель при адаптации правовых норм к потребностям цифровой экономики.

В недавнем докладе, подготовленном группой экономистов во главе с Дином Бейкером и Джозефом Стиглицем, анализируется влияние существующих законов об интеллектуальной собственности на динамику развития мировой экономики. Авторы приходят к выводу, что «если ключевыми компонентами глобальной экономики становятся экономика знаний и экономика идей и если ключ к росту и развитию заключается в способности статичных обществ преобразоваться в общества «обучающиеся», крайне необходимо переосмыслить нынешний правовой режим и освободить поток знаний и информации от ряда ограничений»¹⁰³.

Действительно, мы видим, что, по данным ООН, в мировой экономике продолжается резкий рост доли рентабельных доходов, т. е. таких доходов, которые основаны на «получении выгоды не за счет создания новой ценности, а за счет присвоения

¹⁰⁰ Fox E. Globalisation and Human Rights: Looking Out for the Welfare of the Worst Off // New York University Journal of International Law and Policy. 2002. No. 35. P. 202.

¹⁰¹ Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Harvard: Harvard University Press, 2014. P. 22.

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Baker D., Jayadev A., Stiglitz J. Innovation, Intellectual Property, and Development: A Better Set of Approaches for the 21st Century. London: Centre for Economic and Policy Research (CEPR), 2017. P. 7.

все больших кусков ценности, которая и так была бы создана»¹⁰⁴. Значительная часть рентных доходов в мировой экономике основана на монополистической эксплуатации интеллектуальной собственности¹⁰⁵.

Подход к защите прав интеллектуальной собственности, ориентированный прежде всего на человека, продвижение режимов открытого доступа и общественного достояния, повышенный акцент на этической составляющей и устойчивом развитии технологий и цифровых услуг — все это может стать частью механизмов защиты конкуренции в цифровой среде и позволит более эффективно реагировать на основные вызовы цифровой эпохи.

К сожалению, политика нашей страны направлена пока в противоположном направлении за счет явно избыточной охраны интеллектуальной собственности в ущерб развитию национальной экономики и общества.

Можно сказать, что в сфере охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации реализован подход, который в международной доктрине и практике получил название «ТРИПС-плюс». Это означает, что Россия предоставляет правообладателям большую защиту, чем того требует международное право, в частности Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) 1994 г. Так, Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» содержит в ст. 10–11 так называемые антимонопольные иммунитеты в отношении оборота объектов интеллектуальных прав; соответственно, из-под его действия исключены любые антиконкурентные действия, совершаемые в рамках осуществления интеллектуальных прав.

Усиленная система охраны наносит вред национальной экономике и была введена в результате прямого торга с западными компаниями и торговыми представителями США и других западных стран в рамках процесса вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО), но продолжает действовать, несмотря на существенное изменение геополитической обстановки и международной повестки. Хотя Конституционный суд РФ в Постановлении от 13.02.2018 № 8-П прямо отметил, что, «как и право собственности, интеллектуальные права подлежат защите исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды», оборот интеллектуальных прав все еще изъят из сферы антимонопольного регулирования. Это лишь повышает рентный характер российской экономики и делает российского потребителя предельно уязвимым в новом технологическом укладе.

6. Глобальное измерение антимонопольного регулирования

С окончанием холодной войны и установлением «Вашингтонского консенсуса», т. е. представления о том, что богатство наций есть следствие либерализации торговли и инвестиций, приватизации и дерегулирования¹⁰⁶, изменилось и представление о природе глобального рынка. Наряду с геополитическими изменениями глобальный рынок менялся и под воздействием новых информационных

---

¹⁰⁴ *Stiglitz J.* Inequality and economic growth // *Political Quarterly*. 2015. Vol. 86. P. 141.

¹⁰⁵ UNCTAD Trade and Development Report 2017 // UNCTAD. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1852> (дата обращения: 16.02.2021).

¹⁰⁶ См. об этом: *Geiger R.* The Development of the World Economy and Competition Law // *The Development of Competition Law: Global Perspectives*. Ed. by R. Zach and A. Heinmann. Cheltenham: Edward Elgar, 2010. P. 238.

технологий. Появилось ощущение, что под влиянием Интернета и либерализации мировой торговли мир стал по-настоящему плоским и однообразным¹⁰⁷.

В 1994 г. в рамках Уругвайского раунда торговых переговоров, приведших к созданию ВТО, был утвержден глобальный режим охраны интеллектуальной собственности, который заставил всех членов этой организации унифицировать правовые режимы интеллектуальных прав в своем национальном законодательстве в соответствии с логикой работы глобального рынка и всемерной либерализации мировой торговли. В ходе того же раунда торговых переговоров обсуждался и проект соглашения о защите конкуренции на глобальном рынке, но США заблокировали этот проект¹⁰⁸. Логично, что глобализация и либерализация мировой торговли должны были привести одновременно к формированию и единых правил конкуренции на этом рынке. В отношении оборота интеллектуальных прав страны достигли очень высокого уровня унификации своих законодательств, позволяющего говорить о формировании единого глобального рынка интеллектуальной собственности.

Эрнст-Ульрих Петерсман, министр экономики Германии в тот период, позже отмечал: «Противодействие со стороны антимонопольных ведомств США относительно введения в рамках ВТО международных правил защиты конкуренции в основном было продиктовано эгоистическим интересом американских ведомств, боявшихся таким образом потерять автономию»¹⁰⁹. Эта позиция 1994 г. существенно расходится тем, как американская администрация видела режим регулирования мировой экономики, который она же продвигала в послевоенный период в 1940-е годы. Именно по предложению США¹¹⁰ в 1946 г. ООН открыла работу по подготовке договора по созданию Международной торговой организации (МТО). Конференция ООН, работавшая в столице Кубы Гаване с ноября 1947 по март 1948 г., завершилась разработкой и утверждением Гаванской хартии о создании МТО¹¹¹. Гаванское соглашение установило довольно подробные правила защиты конкуренции в мировой экономике, и впервые эти правила имели выраженный глобальный характер. Глобализация мировой экономики в послевоенный период, по мнению американской администрации, требовала создания эффективного свода международных механизмов защиты конкуренции на мировых рынках.

Статья 46 «Ограничительные деловые практики» гл. 5 Гаванской хартии определяла довольно широкий перечень действий, которые могут рассматриваться как ограничивающие конкуренцию. Антиконтурентные практики определены в Хартии в логике доминировавших в США до чикагской революции 1980-х годов инклюзивных представлений о конкурентном праве как средстве борьбы с различными структурными перекосами в работе рынков, требующих включения антимонопольного регулирования во всех случаях, когда рынки начинают монополизироваться. Эти действия в ст. 46 гл. 5 Гаванской хартии названы недопустимыми на глобальном уровне, страны должны были прикладывать совместные усилия, чтобы им противодействовать. Статья 50 гл. 5 Хартии подробно регламентировала про-

¹⁰⁷ См. подробнее: *Friedman T.* The World Is Flat. London: Picador, 2005. P. 137.

¹⁰⁸ См. об этом: *Fox E.* Toward World Antitrust and Market Access // *American Journal of International Law.* 1997. Vol. 91, iss. 1. P. 8–9.

¹⁰⁹ *Petersmann E.-U.* From “Negative” to “Positive” Integration in the WTO: Time for “Mainstreaming Human Rights” into WTO Law? // *Common Market Law Review.* 2000. Vol. 36, iss. 7. P. 1373.

¹¹⁰ *Proposals for Consideration by an International Conference on Trade and Employment.* US Department of State, 1945. P. 12.

¹¹¹ *Final Act of the United Nations Conference on Trade and Employment* // *United Nations Conference.* 1948. URL: http://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/havana_e.pdf (дата обращения: 24.02.2021).

цессуальные правила взаимодействия государств и МТО по вопросу о противодействии антиконкурентному поведению, включая синхронизацию расследований, обмен информации и координацию мер антимонопольного реагирования.

Более того, § 2 и 3 ст. 46 гл. 5 Хартии определяли отдельные виды антиконкурентного поведения, которые рассматривались как безусловные основания для начала расследований со стороны МТО.

К таким видам запрещенного антиконкурентного поведения Гаванская хартия относила:

- фиксацию цен и других условий ведения торговли с третьими лицами;
- исключение с рынков каких-либо предприятий, раздел рынков по территориальному признаку, по видам деятельности или по клиентам, установление квот;
- дискриминацию в отношении конкретных предприятий;
- ограничение и квотирование производства;
- договорный запрет на разработку или применение какой-либо технологии или изобретения, будь то запатентованные или незапатентованные технологии или изобретения;
- расширение патентных прав, прав в отношении зарегистрированных товарных знаков или авторских прав, предоставленных каким-либо государством-членом на объекты, которые не входят в предоставляемый объем охраны, или на продукты или условия их производства, оборота или продажи, которые также не должны входить в объем предоставляемой охраны;
- любые подобные практики, которые МТО может признать антиконкурентными большинством в две трети голосов государств-членов.

Как видно из этого списка, многие безусловно запрещаемые Гаванской хартией виды экономической деятельности после антимонопольной революции 1980-х годов выпадали из предмета безусловного антимонопольного контроля. Особенно разительно изменился подход к вопросам оборота интеллектуальной собственности. Если в 1947–1948 гг. американская администрация рассматривала антиконкурентные действия с использованием интеллектуальной собственности как нуждающиеся в контроле и противодействии на мировом уровне, то в 1994–1995 гг. она, напротив, блокировала какие-либо ограничения рыночной власти обладателей прав интеллектуальной собственности со стороны других юрисдикций, особенно развивающихся, и требовала от развивающихся стран (в тот период и от России) воздерживаться от применения антимонопольного регулирования к обороту объектов интеллектуальной собственности.

В целом идеология Гаванской хартии всячески подчеркивала необходимость обеспечения открытости и конкурентного характера мировой экономики. В числе целей работы МТО в ст. 1 гл. 5 Хартии упоминаются обеспечение сбалансированного роста мировой экономики, интеграция стран на равных условиях в глобальные рынки и обеспечение равного доступа к рыночной инфраструктуре, исключение различных форм экономической дискриминации. В целом текст хартии пронизан духом кооперации и взаимного доверия. Фокус на либерализации мировой торговли одновременно с ограничением всевозможных монополистических ограничений заметно отличал проект МТО от реализованного в 1990-х годах проекта ВТО, который предполагал либерализацию, но без антимонопольных сдержек и противовесов.

Джон Брейтвейт и Питер Драхос отмечают: «МТО должна была стать международным регулятором в отношении антиконкурентных бизнес-практик в той же

логике, в какой ВТО стало международным агентом по продвижению интересов бизнеса»¹¹².

Интересно, что Гаванская хартия была разработана по инициативе США и после ее принятия на конференции ООН в Гаване представлена на рассмотрение американского правительства и Конгресса. По замечанию Дэвида Гербера, при рассмотрении документа «было очень мало критики в ходе дебатов в Конгрессе или в публикациях того времени в отношении ключевой идеи Гаванской хартии»¹¹³.

В апреле 1949 г. президент США Труман передал Гаванскую хартию, подписанную 53 странами, в Конгресс, который ее не ратифицировал, объясняя это начавшейся холодной войной. СССР также отказался от ратификации хартии. Гербер отмечает, что в условиях начала полномасштабной конфронтации между непримиримыми военно-политическими блоками «для США было очень мало смысла принимать на себя ограничения своей политической власти и экономических возможностей, которые МТО могла наложить»¹¹⁴. Возможность для построения проконкурентного и сбалансированного режима регулирования мировой экономики была упущена.

Мировая экономика пошла по пути развития, который в значительной степени исключал антимонопольный контроль за наращиванием рыночной власти на глобальном уровне. Это стало одним из факторов стремительного роста власти цифровых платформ. Марианна Маццукато пишет: «В отсутствие мощных сил, обеспечивающих уравнивающее транснациональное регулирование, фирмы, которые в цифровой экономике первыми устанавливают контроль над рынком, привлекают колоссальные дивиденды»¹¹⁵. Сегодня не вполне понятно, чем могут стать эти «мощные силы, обеспечивающие уравнивающее транснациональное регулирование», но есть надежда, что одной из таких форм транснационального регулирования способны быть новые форматы сотрудничества антимонопольных ведомств на региональном уровне.

Хотя в мире не сложилось международного режима защиты конкуренции, интерес к антимонопольному праву в целом вырос и широкое распространение антимонопольного права заложило основы для неожиданных форматов такого уравнивающего транснационального воздействия на глобальные монополии.

Идея свободного и открытого глобального рынка приобрела огромное влияние в 1990-х годах и распространилась по всему миру. На подъеме этого нового восприятия возник свежий импульс для институциональных и правовых преобразований.

Неолиберальная повестка (ее можно проиллюстрировать высказыванием Милтона Фридмана: «Работа свободного рынка... способствует гармонии и миру среди людей во всем мире»¹¹⁶) породила дискуссию о том, почему при разработке норм антимонопольного права не учитывается потребительское благосостояние всех народов и потребителей во всех странах¹¹⁷. Эта идея вполне согласуется с верой в свободный и открытый рынок, который, по словам Ричарда

---

¹¹² Braithwaite J., Drahos P. *Global Business Regulation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

¹¹³ Gerber D. *Global Competition, Law, Markets and Globalization*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 51.

¹¹⁴ Ibid. P. 46.

¹¹⁵ Mazzucato M. *The Value of Everything*. P. 220.

¹¹⁶ Friedman M. *The Power of the Market: The Pencil Story // TV Series. Free to Choose*. 1980. Vol. 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dngqR9gcDDw> (дата обращения: 16.02.2021).

¹¹⁷ См. подробнее: Noonan C. *The Emerging Principles of International Competition Law*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Познера, «лучше всего работает для достижения общих целей большинства людей в мире»¹¹⁸, и вполне вписывалась в неолиберальный консенсус того времени.

Одним из непосредственных результатов распространения рыночной экономики по миру стала фиксация ценности конкурентного права в международном дискурсе.

Увеличение количества законодательных актов, закрепляющих принципы защиты конкуренции на национальном уровне, охватившее к начала 2000-х годов в пять раз больше стран, чем в начале 1990-х годов, и признание большинством мировых юрисдикций и международных организаций ценности свободной конкуренции как важнейшей составляющей капиталистического правопорядка привели к ряду последствий, в силу которых конкурентное право стало важным фактором регулирования мировой экономики, даже несмотря на отсутствие единого правового режима.

Хотя конкурентное право и не унифицировано в международных нормативных документах, оно широко признается именно на уровне ценности. Все ведущие страны признают важность конкуренции и допускают различные формы вмешательства в работу рынков с целью ее защиты. Кроме того, принцип защиты конкуренции является центральным для целого ряда ключевых международных соглашений. Например, Соглашение ТРИПС в рамках ВТО прямо предусматривает возможность и даже необходимость ограничения прав интеллектуальной собственности национальными государствами в целях защиты конкуренции.

В силу этих особенностей конкурентное право предоставляет тем странам, которые не имеют большого веса в мировой экономике и, как следствие, не могут устанавливать эффективные правила на глобальном рынке — дополнительный инструмент регулирующего воздействия на глобальные экономические процессы, если применять его творчески и в определенной кооперации с другими странами.

Спектр инструментов для защиты конкуренции достаточно широк и может быть адаптирован для решения первостепенных задач по устранению «узких мест» в глобальной цифровой экономике, а именно для обеспечения доступа к ключевым элементам инфраструктуры цифровой экономики, прежде всего к данным, технологиям и знаниям. Полагаем, конкурентное право является сейчас в некотором роде уникальным механизмом для малых и средних экономик с точки зрения его регулирующего воздействия на глобальные процессы, разворачивающиеся в цифровой экономике. Оно находится в промежуточном положении, не дотягивая до хорошо унифицированного свода правил, как в сфере глобального регулирования интеллектуальной собственности, но явно имеет больший регуляторный потенциал, чем различные формы национального позитивного регулирования, находящиеся в распоряжении административного права. Защита конкуренции уже больше, чем вопрос национального правового порядка, но еще не стала вопросом полноценного международного регулирования. В подобном промежуточном положении конкурентное право имеет как слабые, так и сильные стороны.

Так, отсутствие единого глобального режима позволяет странам в большей степени экспериментировать как на национальном уровне, так и на уровне региональных объединений. В силу указанных выше причин конкурентное право очень восприимчиво к международной кооперации, а значит, гораздо выше вероятность

---

¹¹⁸ Posner R. Law and Economics is Moral // Adam Smith and the Philosophy of Law and Economics / eds R. Malloy, J. Evensky. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1994. P. 170.

договориться и синхронизировать меры антимонопольной политики, чем в других более национально ориентированных сферах регулирования.

Одним из многообещающих форматов сотрудничества в антимонопольной сфере выступает кооперация стран БРИКС и других развивающихся юрисдикций. Страны БРИКС объединены тем, что ищут решения, позволяющие ускорить экономическое развитие, и готовы экспериментировать и формировать новые подходы к регулированию глобальной экономики. В каком-то смысле страны БРИКС не в полной мере согласны со своим местом в глобальной системе управления мировой экономикой, а потому открыты для изменений и экспериментов. В то же время принятие этими государствами согласованных решений в отношении глобальных монополистов на основании антимонопольного права не позволит их игнорировать как в силу солидарного веса экономик стран БРИКС, так и в силу международного признания ценности защиты конкуренции, легитимирующей такие решения в глазах мирового сообщества. Это делает возможные согласованные подходы к антимонопольному регулированию в формате БРИКС достаточно интересным механизмом развития глобального режима защиты конкуренции и создания системы сдержек и противовесов для глобальных цифровых монополий.

Сотрудничество в антимонопольной сфере в формате БРИКС уже сложившийся факт вследствие договоренностей, достигнутых лидерами стран БРИКС в июле 2015 г. по итогам VII саммита БРИКС в Уфе. В Уфимской декларации зафиксирована необходимость продолжать совместную работу по совершенствованию конкурентной политики и конкурентного правоприменения, подчеркивается большое значение укрепления координации и сотрудничества между ведомствами стран БРИКС, отвечающими за вопросы конкуренции. Логичным продолжением реализации положений Уфимской декларации стали разработка и подписание в мае 2016 г. в Санкт-Петербурге меморандума между конкурентными ведомствами БРИКС о взаимопонимании в области сотрудничества в сфере конкурентного права и политики. На прошедшем в 2020 г. в режиме видеоконференции XII саммите БРИКС деятельность Международного центра конкурентного права и политики БРИКС отмечена как один из успехов российского председательства в области защиты конкуренции и совершенствования конкурентной политики и отнесена к перспективным направлениям сотрудничества в рамках объединения. Данная позиция закреплена в Московской декларации, принятой по результатам консультаций «пятерки»; также в ней отражены консолидированные подходы стран — участниц организации к дальнейшему развитию БРИКС.

В качестве конкретной иллюстрации практического потенциала взаимодействия стран БРИКС в антимонопольной сфере можно привести первый случай тесной координации подходов к согласованию глобальной сделки экономической концентрации между двумя транснациональными корпорациями — Bayer и Monsanto, стремившимися создать глобальную цифровую платформу в сельской хозяйстве¹¹⁹. Меры, принятые антимонопольными ведомствами стран БРИКС, позволили существенно замедлить монополизацию этого сектора, установив требования по предоставлению доступа к данным и сервисам создаваемой цифровой платформы для местных игроков, а также принудив сливающиеся компании

---

¹¹⁹ ФАС России одобрит сделку Байер — Монсанта после выполнения «Байер АГ» определенных условий, направленных на защиту конкуренции в сфере агротехнологий // Федеральная антимонопольная служба. URL: <https://fas.gov.ru/news/23533> (дата обращения: 16.02.2021).

к передаче определенных технологий для развития местной инновационной индустрии в агросфере.

Возможно, гибкость таких форматов международного сотрудничества в анти-монопольной сфере позволит компенсировать отсутствие единого глобального режима защиты конкуренции и создать значимый механизм уравнивающего транснационального регулирования для цифровых монополий.

Заключение

Доклад о цифровой экономике ООН напоминает о том, что «сама по себе технология не способна детерминировать» рынок и регулирование, а правительства и другие заинтересованные стороны могут и должны взять на себя задачу по формированию цифровой экономики и выработке правил игры¹²⁰.

Общество цифровой экономики бывает очень разным. Нынешняя модель развития приводит к росту неравенства и жестким дисбалансам в мировой экономике. Поэтому перенастройка правового регулирования и его адаптация к динамическим процессам цифровизации не исключают, а, напротив, делают неизбежным определенный телеологический выбор.

Как и сто лет назад, когда наша цивилизация столкнулась с вызовами ускоренной индустриализации, нынешний этап промышленной революции также ставит серьезные экзистенциальные вопросы. Чрезмерное неравенство рискует стать той основой, которая запустит процесс еще более резкого социального расслоения, способного, в свою очередь, окончательно уничтожить остатки социальной солидарности в обществе.

Проблема окостеневшего права, попавшего, по словам Фритьофа Капры и Уго Маттеи, в «механистическую ловушку» и ставшего замкнутой изолированной от общества системой норм, а не реальным регулятором общественных отношений, очень остро стоит во всех странах, но особенно там, где общее омертвление правовой системы еще больше усугубляет эту механистическую природу правового регулирования.

Если ставить вопрос о реформе правовой системы в связи с вызовами цифровой экономики, то, на наш взгляд, эта работа должна вестись прежде всего в направлении оживления правовой ткани, обеспечения связи между целями и задачами экономического развития и правовыми механизмами регулирования.

С первых же дней своего существования законы о защите конкуренции, появившиеся в США в эпоху промышленной революции рубежа XIX и XX вв., были направлены на уравнивание капиталистической системы с целью устранения социальных и экономических конфликтов, неизбежно возникавших на фоне быстрого экономического роста и стремительных преобразований.

Сегодня во всем мире ведется активная работа по адаптации антимонопольного регулирования к условиям цифровой экономики. Прежде всего речь идет об отказе от устаревших и сковывающих работу антимонопольного права идеологических штампов, закрепившихся в нем с 1980-х годов.

Совершенствование антимонопольного регулирования по всему миру идет в нескольких важных направлениях, в частности:

- усиления контроля экономической концентрации с тем, чтобы улавливать сделки, ведущие к усилению рыночной власти на цифровых рынках, но не подпадающие под требования, установленные в индустриальную эпоху;

---

¹²⁰ Digital Economy Report. Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries. UNCTAD, 2019. P. 123.

- адаптации правил установления доминирующего положения с учетом особенностей рыночного положения цифровых платформ и организаторов экосистем в цифровой экономике;
- разработки правил конкуренции как между экосистемами, так и внутри них;
- совершенствования методов выявления и пресечения антиконкурентных сговоров в цифровой среде;
- выработки новых мер антимонопольного воздействия как для пресечения антиконкурентного поведения, так и для исправления уже возникших дефектов рыночной системы, и т. д.

Эти реформы затронули почти все ведущие юрисдикции от США до Китая. Объединяющим началом данных преобразований становится осознание того, что без эффективного и реально работающего антимонопольного регулирования сбудутся пророческие слова Джона Шермана и надо будет готовиться уже к «цифровому госплану», или «цифровому тоталитаризму», призрак которого, по словам бывшего президента России Дмитрия Медведева, уже бродит по миру. Устойчивость капиталистической системы и ее человеческое лицо в высокой степени зависят от недопущения дальнейшего усиления рыночной власти цифр, которая незаметно открывает самые темные стороны капитализма, часто ведущие к его последующему демонтажу.

Рональд Дворкин полагал, что правовая система призвана донести до всех смысл и цель юридической деятельности и реализуется в обществе всеми его членами, которые являются по определению равными¹²¹. Без подобных рамок солидарности и здравого смысла право, как механизм, предназначенный для управления социальным развитием, теряет всякий смысл. В этой логике новая ст. 75.1 Конституции РФ устанавливает, что у нас «создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Достижение этих целей в рыночной экономике, как показала практика, невозможно без активного и гибкого применения антимонопольного права. Российское антимонопольное право, к сожалению, все еще следует во многих своих положениях принципам чикагского консенсуса, уже прекратившего свое существование на родине. Некоторые запреты и ограничения, введенные в отечественное антимонопольное право, стали продуктом торговых переговоров по вступлению России в ВТО, которые уже утратили всякую актуальность. «Стокгольмский синдром», заставляющий следовать навязанным когда-то установкам, не может быть ориентиром для построения нового эффективного антимонопольного регулирования ни в нашей стране, ни тем более на международной арене. Новые форматы сотрудничества с партнерами России по БРИКС в антимонопольной сфере уже показали свою эффективность, но требуют синхронизации подходов, а главное — темпов трансформации антимонопольного регулирования к условиям цифровой экономики. Такое практическое сотрудничество стран БРИКС и других развивающихся экономик может стать одним из ключей к коррекции мировой экономической системы, потерявшей баланс и устойчивость при переходе к новому технологическому укладу.

Статья поступила в редакцию: 15 сентября 2020 г.
Рекомендована в печать: 1 ноября 2020 г.

¹²¹ *Dworkin R. Justice for Hedgehogs. Harvard: Harvard University Press, 2011. P. 353–354.*

Digital economy and antitrust law: The unity and conflict of opposites

Alexey Yu. Ivanov

For citation: Ivanov, Alexey Yu. 2019. Digital economy and antitrust law: The unity and conflict of opposites. *Pravovedenie* 63 (4): 486–521. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.401> (In Russian)

The digital economy has become a new milestone in human development, but along with the benefits of digitalization and globalization of the world economy it has brought an unprecedented increase in the concentration of market power in the hands of a small group of digital monopolies and a rapid increase in global inequality, which creates systemic imbalances in the development of society. According to a number of experts, a likely consequence of such imbalances in development may be long-term instability that already entails fundamental risks for the existence of the capitalist system. Antitrust law has already played a positive role in overcoming such challenges in the development of the capitalist system during the technological transformations of the late 19th century and the first half of the 20th century. It has allowed the USA and a number of other Western countries to go through the last great industrial revolution in a less painful way than those countries, including Russia, which experienced a dismantling of the capitalist system and were unable to withstand the pressures of accelerated development. This article analyzes the reasons that prevented antitrust law from playing a similar balancing role during the ongoing industrial revolution and proposes possible measures to improve mechanisms of antitrust regulation of the digital economy. Among the most promising avenues for creating effective checks and balances on the growing market power of global digital platforms are the emerging formats for antitrust cooperation within the framework of regional associations of developing countries, primarily on the BRICS platform. Cooperation between the BRICS countries in the sphere of competition law and policy may also become a serious factor for the formation of a global antitrust regime, which does not currently exist. Moreover, given the positioning of the BRICS countries in the world system, such cooperation allows for the creation of a global competition law that would promote a wider dissemination of knowledge and advanced technologies and help remove barriers to global innovation flows that are now set by global technological monopolies. Cooperation in this sphere would have a positive impact on reducing global inequalities.

Keywords: globalization, digital economy, monopolization, digital platforms and ecosystems, inequality, global competition law and policy, BRICS.

References

- Agarkov, Michael M. 1992. The value of private law. *Pravovedenie* 1: 25–41. (In Russian)
- Amato, Giuliano. 1997. *Antitrust and the Bounds of Power*. Oxford, Hart Publ.
- Baker, Dean, Jayadev, Arjun, Stiglitz, Joseph. 2017. *Innovation, Intellectual Property, and Development: A Better Set of Approaches for the 21st Century*. London, Centre for Economic and Policy Research (CEPR).
- Basu, Kaushik. 2020. The Law and Economics of Markets with Digital Platforms. *Cornell Legal Studies* 20–32. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3566590 (accessed: 16.02.2021).
- Bauman, Zygmunt. 2008. *Fluid modernity*. Rus. ed. St. Petersburg, Piter Publ. (In Russian)
- Bork, Robert H. 1978. *Bork The Antitrust Paradox*. New York, Free Press.
- Braithwaite, John, Drahos, Peter. 2000. *Global Business Regulation*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Brodley, Joseph F. 1987. The Economic Goals of Antitrust: Efficiency, Consumer Welfare, and Technological Progress. *New York University Law Review* 62: 1020–1053.
- Capra, Fritjof, Mattei, Ugo. 2013. *The Ecology of Law: Toward a Legal System in Tune with Nature and Community*. Oakland, Berrett-Koehler.
- Clemons E. 2011. One Click Away? Maybe and Maybe Not. *Huffpost.com*. Available at: https://www.huffpost.com/entry/google-one-click-away_b_928009?guccounter=1 (accessed: 16.02.2021).

- Coase, Ronald Harry. 1974. The Market for Goods and the Market for Ideas. *The American Economic Review* 64 (2): 384–391. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1816070> (accessed: 24.02.2021).
- Confucius. 2001. *Lun Yu*. Rus. ed. Moscow, Vostochnaia literature Publ. (In Russian)
- Crafts, Nicholas. The Productivity Slowdown: Is it the “New Normal”? *Oxford Review of Economic*. 34 (3): 443–460.
- Dworkin, Ronald. 2011. *Justice for Hedgehogs*. Harvard, Harvard University Press.
- Ekbia, Hamid R., Nardi, Bonnie A. 2017. *Heteromation and Other Stories of Computing and Capitalism*. Cambridge, MIT Press.
- Fox, Eleanor. 1987. The Battle for the Soul of Antitrust. *Political Science, California Law Review* 75: 917. Available at: <https://lawcat.berkeley.edu/record/1112881> (accessed: 16.02.2021).
- Fox, Eleanor. 1997. Toward World Antitrust and Market Access. *American Journal of International Law* 91 (1): 2–25.
- Fox, Eleanor. 2002. Globalisation and Human Rights: Looking Out for the Welfare of the Worst Off. *New York University Journal of International Law and Policy* 35: 201–220.
- Friedman, Jonathan A., Buono, Francis M. 2000. Using the Digital Millennium Copyright Act to Limit Potential Copyright Liability Online. *Richmond Journal of Law & Technology* 6: 7–25.
- Friedman, Milton. 1980. The Power of the Market: The Pencil Story. *TV Series. Free to Choose* 1. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=dngqR9gcDDw> (accessed: 16.02.2021).
- Friedman, Thomas L. 2005. *The World Is Flat*. London, Picador.
- Fukuyama, Francis, Richman, Barak, Goel, Ashish. 2021. How to Save Democracy From Technology. Ending Big Tech’s Information Monopoly. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/usa/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (accessed: 16.02.2021).
- Geiger, Rainer. 2010. The Development of the World Economy and Competition Law. *The Development of Competition Law: Global Perspectives*. Eds Roger Zach, Andreas Heinmann. Cheltenham: Edward Elgar.
- Gerber, David. 2010. *Global Competition, Law, Markets and Globalization*. Oxford, Oxford University Press.
- Gerhart, Peter M. 1983. The Supreme Court and Antitrust Analysis: The Near Triumph of the Chicago School. *Faculty Publications* 602. Available at: https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1601&context=faculty_publications (accessed: 16.02.2021).
- Gordon, Robert. 2016. *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living Since the Civil War*. Princeton, Princeton University Press.
- Hanson, Jon, Chen, Ronald. 2004. The illusion of law: The legitimating schemas of modern policy and corporate law. *Michigan Law Review* 103 (1): 1–149.
- Hawking, Stephen. 2015. Science AMA Series Answers. *Reddit*. Available at: https://www.reddit.com/r/science/comments/3nyn5i/science_ama_series_stephen_hawking_ama_answers/cvsdmkv (accessed: 16.02.2021).
- Hovenkamp, Herbert. 2005. *The Antitrust Enterprise: Principle and Execution*. Harvard, Harvard University Press.
- Jacobides, Michael G., Lianos, Ioannis. 2021. Ecosystems and Competition Law in Theory and Practice. *CLES Research Paper Series*. Available at: <https://www.ucl.ac.uk/cles/sites/cles/files/cles-1-2021.pdf> (accessed: 24.02.2021).
- Khan, Lina M. 2016. Amazon’s Antitrust Paradox. *Yale Law Journal* 126: 710. Available at: <https://www.yalelawjournal.org/note/amazons-antitrust-paradox> (accessed: 16.02.2021).
- Kosseff, Jeff. 2019. *The Twenty-Six Words That Created the Internet*. New York, Cornell University Press. Available at: <https://www.cornellpress.cornell.edu/book/9781501714412/the-twenty-six-words-that-created-the-internet> (accessed: 16.02.2021).
- Laidler, John. 2019. High tech is watching you. *The Harvard Gazette*. Available at: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2019/03/harvard-professor-says-surveillance-capitalism-is-undermining-democracy> (accessed: 16.02.2021).
- Lenin, Vladimir I. 1967–1981. *Collected Works*. 5th ed. Vol. 42. Moscow, Political Literature Publishing House. (In Russian)
- Mazzucato, Mariana. 2019. *The Value of Everything. Making and Taking in the Global Economy*. Westminster, Penguin Books.

- Morozov, Evgeny. 2019. Digital Socialism? The Calculation Debate in the Age of Big Data. *New Left Review* 116/117: 33–66.
- Nadler, Jerrold, Cicilline, David. 2020. Investigation of Competition in Digital Markets. *Antitrust, Commercial and Administrative Law*. Available at: https://judiciary.house.gov/uploadedfiles/competition_in_digital_markets.pdf?utm_campaign=4493-519 (accessed: 24.02.2021).
- Noonan, Chris. 2008. *The Emerging Principles of International Competition Law*. Oxford, Oxford University Press.
- Orbach, Barak Y. 2011. The Antitrust Consumer Welfare Paradox. *Journal of Competition Law & Economics* 7 (1): 133–164.
- Pasquale, Frank. 2015. *The black box society: the secret algorithms that control money and information*. Harvard, Harvard University Press.
- Petersmann, Ernst-Ulrich. 2000. From “Negative” to “Positive” Integration in the WTO: Time for “Mainstreaming Human Rights” into WTO Law? *Common Market Law Review* 36: 1363–1382.
- Piketty, Thomas. 2014. *Capital in the Twenty-First Century*. Harvard, Harvard University Press.
- Piketty, Thomas. 2016. *Capital in the Twenty-First Century*. Rus. ed. Moscow, Ad Marginem Publ. (In Russian)
- Posner, Richard A. 1994. Law and Economics is Moral. *Adam Smith and the Philosophy of Law and Economics*. Eds Robin Malloy, Jerry Evensky. Dordrecht, Kluwer Academic Publ.
- Posner, Richard A. 2000. Antitrust in the New Economy. *John M. Olin Program in Law and Economics. Working Paper No. 106*. Available at: https://chicagounbound.uchicago.edu/law_and_economics/58 (accessed: 16.02.2021).
- Prokhorov, Alexander M. 1969–1978. The Unity and Struggle of Opposites. Great Soviet encyclopedia. Moscow, Sovetskaya entsiklopediia Publ. Available at: <https://www.booksite.ru/full-text/1/001/008/036/847.htm> (accessed: 24.06.2021).
- Sanders, Bernie. 2020. Foreword. *Teachout, Zephyr. Break ‘Em Up*. New York, St. Martin’s Publishing Group.
- Schmidt, Eric, Cohen, Jared. 2013. *The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business*. New York, Knopf.
- Schumpeter, Joseph. 1942. *Capitalism, socialism and democracy*. New York, Harper & Row.
- Stiglitz, Joseph E. 2015. *The Price of inequality: How today’s divided society endangers our future*. Rus. ed. Moscow, Eksmo Publ. (In Russian)
- Stiglitz, Joseph. 2015. Inequality and economic growth. *Political Quarterly* 86: 134–155.
- Stiglitz, Joseph. 2017. *Towards A Broader View of Competition Policy*. New York, Roosevelt Institute Working Paper.
- Summers, Lawrence H. 2000. The New Wealth of Nations. Remarks by Treasury Secretary at Hambrecht & Quist Technology Conference. *U.S. Department of the Treasury*. Available at: <http://www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/ls617.aspx> (accessed: 24.02.2021).
- Thiel, Peter. 2014. Competition Is for Losers. *The Wall Street Journal*. Available at: <https://www.wsj.com/articles/peter-thiel-competition-is-for-losers-1410535536> (accessed: 16.02.2021).
- Umut, Aydin. 2010. The International Diffusion of Competition Laws. APSA 2010 Annual Meeting Paper. Social Science Research Network. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1657456 (accessed: 16.02.2021).
- Werden, Gregory J. 1992. The History of Antitrust Market Delineation. *Marquette Law Review*. 76: 123–215.
- Wu, Tim. 2010. *The Master Switch: The Rise and Fall of Information Empires*. New York, Columbia Law School.
- Zuboff, Shoshana. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, Public Affairs.

Received: September 15, 2020

Accepted: November 1, 2020

Alexey Yu. Ivanov — Master of Private Law, LLM (Harvard), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, 20, ul. Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation; aivanov@hse.ru